

АНДРЕЙ ЮРОВ

эксперт Совета Европы,

консультант Московской Хельсинкской Группы (МХГ),

Почетный Президент международного

Молодежного Правозащитного Движения (МПД)

ВВЕДЕНИЕ В КОНЦЕПЦИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Зимняя Школа Прав Человека
Москва, 2008

*Людмила Алексеева,
председатель Московской Хельсинкской Группы (МХГ)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рассуждения Андрея Юрова о правах человека, изложенные в этом курсе лекций, полезны прежде всего для активистов правозащитных организаций, для некоторых из них – просто необходимы. Ведь подавляющее большинство правозащитников во всем мире и в нашей стране стали правозащитниками не после какого-то специального обучения, а по зову сердца, возмущенные морем несправедливостей, в котором приходится жить нашим согражданам. Не все российские правозащитники отчетливо представляют себе, что такое права человека, нередко они видят свою роль в борьбе против всякой несправедливости. Да и не все наши дипломированные юристы могут внятно объяснить хотя бы самим себе, что это такое – «права человека». Курс лекций Андрея Юрова, представленный здесь, должен войти в библиотечку каждой российской правозащитной организации – ведь не все могут попасть на лекции Юрова или в какую-то школу по правам человека. Этот курс лекций рассчитан на таких читателей, которым нужны самые основы знаний в этой области, и изложены эти основы понятным и непосвященному языком, не перегружены специальной терминологией, принятой у специалистов. Хорошо подобранные примеры облегчают понимание материала и оживляют его. Читается этот текст без скуки. Очень органично вошли в него конспекты лекций Марека Новицкого, руководителя Польского Хельсинкского фонда. Он был блестящим лектором. Услышать его довелось многим из старшего поколения российских правозащитников. Кому-то из них выпала удача попасть в Школу прав человека, созданную Польским Хельсинкским фондом в Варшаве, очень многие слушали лекции Марека Новицкого на различных семинарах в разных городах на территории бывшего СССР – он был частым гостем во многих государствах СНГ. Видимо, Андрей Юров использовал собственные конспекты лекций Марека, и заметно, что в построении авторских глав он использовал манеру изложения, свойственную Мареку Новицкому. Думаю, его опыт используют все его ученики. Благодаря Мареку Новицкому и таким его ученикам, как Андрей Юров, в странах на территории бывшего Советского Союза правозащитники и вообще все, кому небезразлична проблема прав человека, могут ознакомиться с основными положениями этой концепции.

Мне хочется напомнить о том вкладе, который был сделан в развитие этой концепции их предшественниками – активистами правозащитного движения в СССР. В свое время я писала об этом в «Истории инакомыслия в СССР. Новейший период»: «У нас есть давняя традиция сострадания «маленькому человеку» – ее создала великая русская литература. Однако «законнический» контекст правозащитного движения оригинален. Не потому, что этого вовсе не было в русской истории – была партия конституционных демократов (кадеты), и она тоже родилась не на пустом месте. Но традицию эту в советский период выкорчевали так основательно, что можно смело утверждать: зачинатели правозащитного движения мало что знали о ней и не ею вдохновлялись. Как не было у правозащитников прямой преемственности с либерально-демократической традицией в русской истории, так не было и заимствований идей международного движения за права человека – опять-таки по причине плохой о нем осведомленности при зарождении правозащитного движения в СССР. Правозащитное движение родилось из опыта людей, проживших жизнь в условиях беззаконий, жестокости и попрания личности в «интересах коллектива» или ради «светлого будущего всего человечества». Страна была прочно отгорожена «железным занавесом» от всего мира.

Идеология правозащитного движения в СССР не была заимствованной. Это невольное самостоятельное «изобретение велосипеда» породило немало трудностей, но имело то преимущество, что наша концепция, совпав по основным параметрам с общечеловеческой, сделало к ней весьма существенные оригинальные дополнения. В отличие от демократических стран, где политические и гражданские права воспринимали как данность,

в Советском Союзе, где граждане этими правами не обладали, советские правозащитники рассматривали их как необходимое условие для решения глобальных проблем современного человечества – политической разобщенности, избавления от угрозы атомной войны, экологических катастроф. Впервые такой взгляд на роль прав человека в современном мире высказал А.Д.Сахаров в своем эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.). Известный знаток истории диссидентского движения Александр Даниэль пишет об этом: «Сахаров только обозначил эти возможности; долгий и трудный путь их реализации был начат другим физиком, профессором Юрием Орловым, историком, публицистом и литератором Андреем Амальриком и другими, обсуждавшими зимой 1975-1976 года идею создания независимой группы, которая осуществляла бы общественный контроль за выполнением гуманитарных статей Хельсинкского акта. В мае 1976-го эти обсуждения вылились в создание Московской Хельсинкской группы» («Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований», № 3 (42), 2007, стр. 80).

Создание МХГ Александр Даниэль расценивает как «ключевое и переломное событие в истории советского правозащитного движения», как «начало нового этапа – этапа специализации и профессионализации этого движения».

А.Даниэль рассматривает также феномен МХГ в контексте общемирового развития идеи прав человека, поскольку из искры, зажженной в Москве профессором Орловым и товарищами, разгорелось настоящее пламя: возникли аналогичные МХГ хельсинкские группы в Украине, Литве, Армении и Грузии; «Хартия-77» в Чехословакии, КАС-Кор в Польше явно были одушевлены правозащитным пафосом МХГ; в США, Канаде и в странах Западной Европы появились хельсинкские группы, которые прямо заявляли, что будут действовать на платформе МХГ. Очевидно, под впечатлением этого общего порыва президент США Джимми Картер выступил с новой доктриной внешней политики, провозгласившей, что соблюдение прав человека не должно быть внутренним делом какого бы то ни было государства, а должно быть заботой международного сообщества. Исходя из этого, Картер заявил, что США будут строить свои отношения с другими государствами в зависимости от того, как их руководство относится к правам своих граждан. Это напрямую связывалось с безопасностью в Европе и во всем мире – ведь втайне подготовиться к войне могут лишь те страны, где правительства не считаются с мнением граждан и сами решают вопрос о развязывании войны. Это было революцией в международной политике и в дипломатии. Прежде на протяжении многовековой истории дипломатические отношения между странами определялись только их внешней политикой. Дипломаты никогда не обращали внимания на взаимоотношения власти и граждан в партнерских странах. Вызванный Московской Хельсинкской группой общемировой процесс нового осмысления проблемы прав человека постепенно изменил подход руководителей демократических государств и их дипломатов, превратил эту проблему в существенный фактор взаимоотношений между странами. Этот переворот в дипломатии оказался необратимым – сейчас невозможно представить себе международные отношения, по крайней мере те, в которые вовлечены демократические страны, без обсуждения проблем, напрямую связанных с правами человека. Даже руководители государств, в которых права человека бесстыдно нарушаются, вынуждены клясться в уважении к правам человека и скрывать всеми возможными способами нарушения этих прав.

Таким образом, правозащитники нашей страны, где концепция прав человека стала предметом обдумывания и обсуждений гораздо позже, чем в странах с развитой демократией, именно благодаря творческой разработке этой концепции в тоталитарном государстве внесли «решающий вклад в модернизацию европейского политического мировоззрения» (А.Даниэль).

Правозащитное движение в России и в странах СНГ является прямым продолжением правозащитного движения в СССР и занимает почетное место в международном правозащитном сообществе.

*Данута Пишвара,
заместитель председателя правления
Хельсинкского Фонда Прав Человека*

МАРЕК

Написать воспоминание о Мареке. Эти слова я повторяю в мыслях вот уже почти четыре года. Впервые я услышала их как заданную мне конкретную задачу сразу же после похорон Марека в октябре 2003 года. И с того времени это сидит во мне как «невыученная лекция». Я бралась за нее уже несколько раз и... все никак не могла справиться – как будто бы написание текста, называющегося «Воспоминания», могло бы перенести Марека из группы друзей, людей, вместе с которыми я работаю, в группу «Дорогих ушедших». Я знаю, что это бессмысленно, что, кроме всего, Те, которые ушли на минутку или навечно (в зависимости от нашей веры или ее отсутствия), – живут именно в наших воспоминаниях и благодаря им; что для меня это они являются причиной, что Марек есть, что он улыбается или ворчит; что подсказывает, что сделать, или просто «молчит» вместе со мной. Только, черт возьми, как об этом писать?

Книга, посвященная Мареку, уже готова, и чтобы «пойти» в печать, она ждет лишь моего воспоминания о нем, в котором мне надо еще раз попытаться заключить в нескольких десятках предложений МАРЕКА – человека, который был и далее остается для меня квинтэссенцией жизненной силы, энергии, оптимизма, веры в то, что можно добиться всего, о чем только возмечтаешь, что «хотеть – это на самом деле мочь», – это правда, а не хорошо звучащая максима. И этой истины не опровергло даже то, что Он проиграл болезни.

Чтобы дело окончить, надо его начать. С чего начать? Лучше с самого начала – «слышу» Марека.

* 1980 год, Варшава, улица Шпитальная, 5 – здание Независимого Самоуправляющегося Профсоюза «Солидарность» Региона Мазовше, второй этаж, большой зал с клубящейся толпой людей, пришедших за советом, за плакатами, значками «Солидарности», чтобы посмотреть, узнать, «прикоснуться» к тому, что является первым легальным независимым профсоюзом в истории Польской Народной Республики.

В их числе нахожусь и я, пробующая предложить свою активность Бартеку – руководителю группы консультантов Региона Мазовше. Я что-то говорила ему о том, что могу дважды в неделю по 4 часа посвятить общественной работе в Регионе, то есть приходить и делать то, что в данный момент потребуется (выдавать листовки, продавать значки, давать консультации или убираться). Бартек слушает меня одним ухом и что-то там не совсем впопад отвечает; а рядом с нами останавливается темноволосый парень (вернее, мужчина) во фланелевой клетчатой рубашке, в джинсах, одна штанина, подвернутая до колена (видно, велосипедист), с трубкой в зубах, Он прислушивается некоторое время к нашему разговору, спрашивает, кто я по профессии, теребит волосы и бросив: «Пока!» – уходит. Месяца четыре спустя, когда я работала уже вместе с Мареком в созданной им Комиссии Медиации Региона Мазовше – и пыталась совместить обязанности моей профессиональной работы с деятельностью в Регионе, – я услышала от него: «В чем дело, черт возьми, ведь я сам слышал, как ты заявила, что тебе надо в неделю два раза по четыре часа, чтобы справиться со своей работой, а остальное время ты можешь посвятить делам «Солидарности» – и теперь ты здесь нужна, вот и все».

Комиссия Медиации (элемент более широкой структуры, какой была в Регионе Мазовше Комиссия Вмешательств и Медиации) – это было первое «солидарностное» детище Марека. Мы занимались посредничеством в спорах внутри Профсоюза, а в таковых не было нехватки.

Другим его детищем было нечто совсем иного рода – Комиссия по Организации Акций Протеста Региона Мазовше. Марек, будучи медиатором внутри профсоюза «Солидарность», включался в организацию его внешних действий тогда, когда не оставалось уже ничего, кроме организованного, активного, но мирного протеста.

* 3 августа 1981 года, Регион Мазовше – теперь уже на улице Мокотовской. Комната номер 4 на втором этаже – здесь работают обе руководимые Марекком комиссии – Медиации и Акций Протеста.

Я прибегаю с работы на дежурство – в Регионе пустовато, в той части этажа, которую занимает Комиссия по Вмешательствам и Медиации, тоже. В комнате номер 4 рядом со стремянкой, ведрами с краской, кипой листовок и плакатов, стоит Баська Маляк и нервно натягивает на рукав бело-красную забастовочную повязку. Говорит, что Марек звонил с Рондо (площадь на перекрестке улиц Аллеи Йерозолимске и Маршалковска) и сказал, что все, кто «на ходу», немедленно должны туда явиться. Власти задержали колонну протестующих автомашин, запрещая проезжать у здания ЦК ПОРП. Колонна участвующих в протесте машин задержана на Рондо Йерозолимске/Маршалковска (центральное место в Варшаве).

Мы идем с Баськой на Рондо. Здесь Марек разрывается на части – он ведет переговоры с командиром ЗОМО (Механизированные Отряды Гражданской Милиции), организует людей, чтобы обставить всю «занятую» нами территорию, вызывает рабочую охрану из металлургического завода Хута Варшава, организует снабжение для водителей, стоящих в задержанной колонне автобусов и легковых машин, и для десятков сочувствующих, которые пришли на Рондо (в результате кормили нас кухни двух фешенебельных ресторанов, действующих в расположенных рядом с Рондо гостиницах, и, что нас особенно трогало, варшавяне, приносящие продовольствие и горячий чай), находит грузовой прицеп (на следующий день на нем будут устраиваться концерты наших друзей-артистов). Марек не сходит с Рондо до самого конца протеста, то есть до 5 августа. С неразлучным в этой ситуации рупором в руке он появляется повсюду, а все более хрипнувший, впрочем, очень характерный голос не умолкает до последних минут блокады.

Вокруг Рондо толпятся тысячи поддерживающих протест варшавян, которых надо ведь чем-то занять и которым надо обеспечить, насколько это возможно, безопасность. Это удалось, не было сколько-нибудь серьезных конфликтов с ЗОМО. То, что протест не принес желательного эффекта, – это уже совсем другое дело.

* 7 декабря 1962 года – я у родителей. Звонит телефон – это моя подруга Марыля, двоюродная сестра Марека. Она выкрикивает новость: «Выпустили Марека, немедленно приезжай!».

Марек провел в так называемом «интернате» почти год – он был арестован ночью, без пяти двенадцать, еще 12 декабря 1981 года в занятом тогда ЗОМО здании Региона Мазовше и провел в очередных местах заключения в Бялоленке (Варшава), в Кельцах, Заленже и снова в Бялоленке почти год. Впрочем, это «почти год» очень его сердило: «Если уже держали, то могли бы подождать с этим освобождением до 13 декабря 1982 года – был бы круглый год, а не почти», – злился он полушутя, но, пожалуй, скорее всерьез.

Я приехала к Марыле, где застала очень худенького, чтобы не сказать исхудалого, почти наголо остриженного Марека, как обычно, во фланелевой клетчатой рубашке, с неразлучной трубкой в зубах. Попивая «водочку» по случаю своего выхода на свободу, он пытался немедленно узнать, с кем и как можно наладить связь, чтобы начать «сговариваться». А на все наши замечания, что надо бы, может, подождать немного, так как наверняка за ним влечется «хвост», а «провалов» много, он говорил, чтобы не морочили ему голову, а впрочем, если не хотим вывести его на связь, то он и сам выйдет. Что, впрочем, и сделал неделю спустя, при случае направив нас обоих сотрудничать с группой лиц, готовящих доклад о

нарушениях прав человека в Польше в период военного положения, то есть с Хельсинкским Комитетом в Польше.

* Кажется, это был январь 1985 года (а может быть, декабрь 1984-го). Марек с конца 1983 года, наряду с другими видами подпольной деятельности, выпускает в самиздате газету «Законность». В этой газете он публикует, кроме сообщений о нарушениях прав человека, также результаты независимых следствий (ныне мы сказали бы: журналистских следствий). В 4-м номере «Законности» появилась статья о похищении лидеров подпольной «Солидарности» из г. Торунь. В одном из следующих номеров Марек хочет поместить продолжение сведений на эту тему – сведений, полученных в результате дальнейшего расследования. Он спрашивает, не поеду ли я с ним и Яреком Косиньским в район Торуня, чтобы продолжить поиск следов, позволяющих определить место пребывания похищенных. Один из ранее похищенных «неизвестными лицами» и подвергнутых пыткам деятелей «Солидарности» – Антек Менжидло – был готов поехать с нами по окрестностям города, пытаясь воссоздать путь, по которому его везли с завязанными глазами. Он думал, что ему это, может быть, удастся, так как во время езды он старался запомнить как можно больше подробностей. Мы договариваемся с ним на субботне-воскресную поездку. В условленный день приходит ко мне Марек и говорит, что есть маленькое затруднение – нет машины. Но это ничего, сейчас у кого-нибудь одолжим, и нет проблемы. Делаем тур по городу от знакомого к знакомому. Одолжить у кого-нибудь машину в то время в Польше, и то у кого-то из наших знакомых, – дело не простое, автомобиль это скорее предмет роскоши, а не нормальное средство транспорта. Мы с Яреком пессимисты и считаем, что делать нечего, надо отложить поездку, если не на этой, то на следующей неделе, может, удастся. Марек не принимает этого к сведению – ведь он условился с Антеком, которому согласиться на такой эксперимент было нелегко и которому нельзя морочить голову, а потом не приехать из-за пустяков. В конце концов, надо об этом писать сейчас, а не Бог знает когда, а притом в первую поездку можно потерпеть неудачу и надо иметь какой-то запас времени – мы должны ехать, вот и все. В пятом или шестом из подсказанных нам мест, глубокой ночью, нам удается одолжить машину. Его владелец, врач Марек Кутерский, заговоренный Марекон насмерть, качая головой, вручает Яреку ключики и техпаспорт машины. Мы едем, ведь условились же ехать. Дело удалось – результаты успешно проведенного следствия были опубликованы в № 6/7 «Законности», в феврале 1985 года.

* Август 1990 года – Пальчев, близ Варки – первая Международная летняя школа по правам человека (пишу: «Школа», хотя тогда мы называли ее лагерем). Большая комната на первом этаже особняка – 24 участника из республик СССР, а также Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Польши, а вместе с ними почти неотступно профессора Виктор Осятынський, Лех Фаландыш, Марек и еще один Марек (то есть Марек Антони Новицкий), Анджей Жеплинський, а также немногочисленные еще тогда сотрудники Фонда и я. Мы работаем с утра до ночи, только с перерывами на еду – ежедневные лекции и дискуссии о правах и свободах человека в течение двух недель. И при всем этом присутствует Марек – по образованию ядерный физик, на практике правозащитник, который сам проходит тогда свой первый систематический курс по этой тематике. Он присутствовал на всех занятиях с утра до ночи, задавал тонны вопросов, втыкал палку в муравейник, брал на себя роль адвоката дьявола, задавая вопросы неудобные, сложные, касаясь вещей, которые трудно понять и принять к сведению людям, жившим до той поры в тоталитарных государствах (а такими были и мы, и остальные участники школы).

В ходе работы следующей, 2-й Международной летней школы по правам человека, а также до этого – в первом выпуске польской Школы по правам человека, и во всех последовавших польских и международных школах, курсах и семинарах Хельсинкского Фонда, вплоть до 2003 года – лекцию на тему «Чем являются и чем не являются права человека» читал уже сам Марек.

* 2000 год – гостиница «Космос» в Москве, организуемый Московской Хельсинкской Группой международный круглый стол, посвященный 30-й годовщине подписания Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Множество гостей – главным образом правозащитников из Содружества Независимых Государств, но также и из других стран. Среди них мы, то есть Марек, Агнешка Клосовска и я. И, как обычно, выступаем в двух и даже трех ролях, так как вместе с коллегами из Московской Группы и Голландского Хельсинкского Комитета пользуемся случаем, чтобы, наряду с участием в юбилее, провести еще один семинар в рамках рассчитанной на несколько лет совместной образовательной программы. И, как бы этого было мало, организовать и провести экзамен, завершающий весь цикл обучения (письменный тест и устный дополнительный экзамен). Это наша первая образовательная программа для польских участников, которая будет заканчиваться нормальным экзаменом (участники очередных выпусков польской Школы сдают заключительный экзамен, начиная с первого выпуска в 1991 году, и для них это уже норма). Российские и белорусские участники нашей программы, хотя мы с самого начала и предупреждали их о серьезности экзамена, не поверили нам – они думали, что это испытание не будет настоящим экзаменом, а лишь его подобием.

Тем временем Марек, чрезвычайно серьезно рассматривающий необходимость повышения профессионализма неправительственных правозащитных организаций в нашем регионе мира, не предусматривал никаких скидок, а любые попытки обернуть его вокруг пальца воспринимал как легкомысленное отношение к делу как таковому и притом к нему самому как человеку, что как небольшое другое выводило его из себя, и то в крайней степени.

Эффектов столкновения этих двух подходов к делу не пришлось долго ждать – это было для меня одно из труднейших испытаний с Марек в главной роли. Трудно было назвать поведение Марека симпатичным, а удивление восхищавшихся им до этого участников курсов я долго еще буду помнить. Потом все выяснилось, и думаю, что они тоже поняли, что Марек самым серьезным образом подходил ко всякому делу, которым занимался, и ко всем тем, с которыми что-то делал – но это было нелегко.

* 8 июня 2003 года. Варшава, внутренний двор Уяздовского замка.

Толпящиеся люди, на специально построенном подиуме председатель Фонда Роберта Шумана – Роза Тун, приглашенные гости. Мы ждем объявления результатов референдума о вступлении Польши в Европейский Союз. Я стою со знакомыми, с нами также Марек. Наконец, есть результат, в референдуме участвовало намного больше требующихся 50 процентов, то есть референдум состоялся, а поляки «за». Взрыв радости, у всех нас камень с души свалился. После всех радостных восклицаний, наших и Марека, он начинает передвигаться в сторону подиума. Подходит к Розе, она приглашает его на подиум и вручает микрофон. Марек говорит срывающимся от волнения голосом о том, сколь важен для всех нас и для него лично результат этого референдума. Он говорит, что это одна из важнейших целей, за которые он боролся. Он напоминает о содержащемся в Хартии Основных Прав праве граждан на хорошее управление и о том, что, правда, с этого времени государства – участники ЕС будут выступать в защиту основных прав в Польше, но нам надо и впредь заботиться об их соблюдении в нашей стране. Он сильно взволнован, так сильно, что наш общий друг спрашивает: «Что это такое происходит с Марек – смотри, у него слезы на глазах!», и сам в смятении прячет взгляд. Столько эмоций в публичном заявлении Марека? Это действительно что-то необыкновенное. Мы не знали, в чем здесь дело. А Мареку уже известен был приговор, хотя до самого конца он не хотел принять его к сведению. Четыре месяца и два дня спустя он умер.

Не знаю, как оценить эти извлеченные из моей памяти кинокадры – такие ли воспоминания имели в виду издатели книги, когда они просили меня написать несколько слов о Мареке. И хотя я знаю, что в таких текстах обычно пишут о человеке хорошо – или ничего не пишут, однако «из процессуальной осторожности» и чтобы хотя бы немного более полно представить образ Марека для тех людей, которые его не знали, я должна добавить, что помимо всего вышесказанного, Он был до крайности, неумно беспорядочен. Об этом знают все, кто побывал когда-либо в его кабинете в Фонде, где на письменном столе и под столом, на журнальном столике, стульях и на полу лежали кучи бумаг, в которых только Он был в состоянии разобраться (да и то только иногда). Он терял все документы и бумаги, и поэтому надо было ксерокопировать абсолютно все, к чему только он прикасался. Он выпускал огромное количество дыма от выкуриваемых в несметном количестве сигарет, сигар и, в так называемом «между тем», трубок – и в малейшей степени не мог примириться с тем фактом, что у некурящих есть какое-то право на чистый воздух, что...

Данка Пшивара

P. S. Я осознала, что солгала, когда написала, что Марек читал вводную лекцию в наших разнородных учебных мероприятиях вплоть до 2003 года. Эту лекцию, дающую исходные базовые сведения, а в то же время «заражающую» правами человека, Марек читает по сей день. Благодаря частному кабельному телевидению, которое записало эту лекцию и дало нам ее в подарок, мы можем показывать Его в ходе очередных выпусков наших школ. Его можно также найти на нашем веб-сайте. Приглашаем – приходите на встречу с Марekom. Он учит теперь по адресу: www.hfhrpolmovies.home.pl

Д. П.

О ПОДХОДАХ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ИЗУЧЕНИЮ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Прежде чем приступить к изучению права или принципов Прав Человека, хочется остановиться на самом подходе к тому, что и в какой последовательности здесь можно изучать. И с чем нам предстоит столкнуться на этом пути. Сперва стоит упомянуть три важных момента.

1. Почему, изучая право, можно, а иногда и нужно начинать с Прав Человека

Мы считаем, что изучение права в целом (может быть, за исключением обучения юристов-профессионалов) должно начинаться именно с изучения Прав Человека.

При этом, когда мы говорим о правовом образовании, мы учитываем, что оно включает в себя самые различные аспекты права. Тем не менее, исходя из представления о том, что Права Человека – это некая особая отрасль права, мы считаем, что такой подход к их изучению может быть оправдан.

Специалисты часто выделяют Права Человека как маленькую часть права, как кусочек: то относят их к международному, то к конституционному праву – зависит от того, какая традиция бытует в том или ином научном сообществе.

Но, с нашей точки зрения, основания Прав Человека немного иные, чем основания права в целом.

С одной стороны, это те же самые принципы – верховенство права над принципом правоты силы, утверждение некоего договора, который может защитить каждого индивида как персону от несправедливости. Но с другой стороны, Права Человека основаны на своего рода фундаменте, который связан с понятием о человеческом Достоинстве. Поэтому разговор о Правах Человека – это всегда разговор о том, что такое *человек*. И в этом смысле названная тема не только про право, не про историю развития государства и права. Скорее – это история формирования человека, история становления человечества, история возникновения публичной гуманитарной культуры, которая в конечном итоге и порождает Право.

Итак, первый тезис: изучение Права может следовать ЗА изучением основ Прав Человека (а не наоборот).

2. Права Человека как три проблемы

Второй тезис, который еще будет достаточно подробно рассмотрен на страницах этой книги, связан с тем, что в словосочетании *Права Человека* заложены три момента, которые, с одной стороны, вроде бы всем понятны, с другой стороны – очень противоречивы (проблема «человека», проблема «права» и проблема их соотношения). Именно сложность понятий «право» и «человек» и, с другой стороны, столкновение этих понятий и формирует всю идеологическую основу и, быть может, всё противоречие, которое заложено в словосочетании «Права Человека».

3. Права Человека как взаимоотношение Человека (единицы) и власти и, во многом, – меньшинств и большинства

И последний тезис для этого маленького «предисловия». Права Человека – это всегда отношения человека и власти (и, естественно, большинства и меньшинства). Всегда. По большому счёту это – проблемы столкновения Единицы и огромной массы, которая нередко проявляется в виде огромной машины, называемой государством.

Права Человека всегда об этом. Что бы мы ни говорили. И это весьма комплексный, философский, эмоциональный вопрос, а не просто разговор об обычных правовых нормах.

И каждый раз мы должны осознавать это драматическое взаимодействие единицы и – либо огромной государственной машины, либо большой массы, «большинства».

ВВЕДЕНИЕ.

«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА», ЕСЛИ МЫ И ВПРАВДУ ХОТИМ ИМИ ЗАНИМАТЬСЯ

Начать обзор принципов защиты Прав Человека нам кажется принципиально важным с *самого начала*. То есть сперва понять, что такое «нарушение прав человека»: любая несправедливость, нарушение какого-то конкретного закона или что-то иное. И еще – понять, что такое сами «права человека»: философская концепция, добрые и несбыточные мечты или стройная правовая система. И только после можно будет начать разговор о том, КАК можно и нужно защищать Права Человека (принципы, механизмы и инструменты защиты).

Сейчас стало особенно трудно говорить о самом понятии «Права Человека». Особенно – если нас интересует не только «история и философия», но и четкие механизмы защиты Прав Человека, а значит – способы защиты конкретных людей в конкретных обстоятельствах. И особенно – в бывших соцстранах, где долгие годы такого понятия не существовало, а к сегодняшнему дню так и не сложилась единая традиция понимания и реализации прав человека. Дело осложняется еще и тем, что о правах человека вдруг говорить стало *модно*, как когда-то модно было говорить о *демократии, гласности и правовом государстве*, а сейчас – еще и о *гражданском обществе*. «Правами человека» стали называть все подряд – от «права на дешевое пиво» до «права чиновников на покой и сон посреди рабочего дня» (связанного с запретом всех мирных демонстраций под окнами отдыхающих чиновников). Стало модно называть себя «правозащитниками» и при возникновении любой проблемы заявлять о нарушении прав человека. И делают это зачастую те, кто ничего не понимает ни в общепринятом международном подходе к «Правам Человека» (Human Rights), ни в философии, принципах и этике правозащитного движения (и российского, и международного).

В связи с этим и в процессе обучения концепциям Прав Человека, и в применении механизмов защиты прав человека возникает целый ряд проблем:

- 1) непонимание того, что же такое на самом деле Права Человека, и того, что это имеет самое непосредственное отношение к повседневной жизни чуть ли не каждого человека;
- 2) путаница между четкими и общепринятыми нормами «прав человека» и более широкими «общественными интересами», связанными с ощущением некоей несправедливости;
- 3) смешение понятий правозащитной и политической деятельности: правозащитников обвиняют в политической деятельности на основании внешней схожести некоторых форм протестных действий, а иногда и сами правозащитники не могут четко разделить эти две сферы и вторгаются в сферу политики;
- 4) определение роли и места международных стандартов прав человека в правовой системе наших государств;
- 5) выбор стратегии действий по изменению существующей системы в сторону уважения и соблюдения прав человека со стороны государства (власти).

В качестве одного из вариантов можно предложить простую схему, описывающую два разных подхода к Правам Человека.

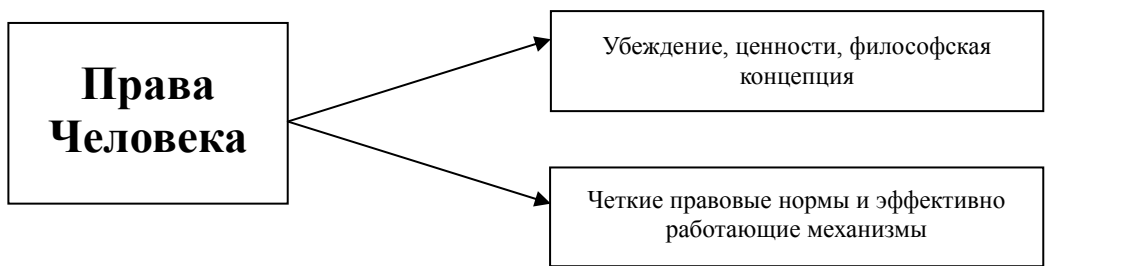
Первый, важнейший, мировоззренческий подход рассматривает **Права Человека** как **убеждения, систему ценностей, философскую концепцию** (т.е. как «защиту справедливости и человеческого достоинства»). Он помогает ответить на вопросы, ЧТО такое человек и ПОЧЕМУ права человека должны быть защищены.

Это – концепция. И она говорит о том, что люди рождаются равными, наделенными достоинством и т.д. Некоторые в это верят, некоторые не верят. Некоторые считают, что люди совершенно не рождаются равными, многие не признают за другими никакого достоинства от рождения. Но теория Прав Человека все-таки основана на признании такого равенства и достоинства.

Кстати, есть очень интересный документ – Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году. И кроме многочисленных чудесных статей, там есть статья номер 1. Почему-

то почти никто не обращает внимание на то, что в ней **дано определение человека (!)**. Там написано: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». А это означает, что если кто-то, пусть и ходящий на двух ногах, **не наделен** либо разумом, либо совестью, либо тем и другим, то он, с точки зрения Декларации, **человеком не является**; поэтому естественно, что весь свод прав и свобод здесь на него не распространяется. Лично я встречаю в своей жизни многих, кто не наделен либо разумом, либо совестью, либо и тем, и другим. И вот – не знаю, применимо ли к ним понятие человека или нет. Это, конечно, почти шутка. Но здесь есть о чем задуматься...

СХЕМА 1



Второй подход, часто в идейном плане базирующийся на первом, определяет **Права Человека** как четкие **правовые нормы и эффективно работающие механизмы**: то, что в международной терминологии часто называют «Международное право прав человека» (International Law of Human Rights). Он помогает ответить на вопросы, КАК реализовать Права Человека, КТО должен следить за соблюдением Прав Человека и КАКИМ ОБРАЗОМ человек может защитить себя, если его Права Человека нарушаются. Это, прежде всего, разговор о правах человека с точки зрения правовых норм.

И если мы с вами действительно хотим защищать Права Человека (свои или чужие), мы просто обязаны, прежде всего, руководствоваться вторым подходом, но иметь убеждения в соответствии с первым. Второй подход облегчит нам задачу, потому что мы можем оперировать не абстрактными понятиями справедливости и несправедливости, а четко определенными правовыми нормами. Может показаться, что многие правовые нормы, касающиеся именно Прав Человека, слишком «глобальны» (свобода слова, ассоциаций, собраний и т.п.) и имеют мало отношения к повседневной реальной жизни людей. Но это не так. Как раз Права Человека, как правило, затрагивают жизнь каждого из нас напрямую.

Несколько небольших иллюстраций.

Возьмем, например, такое важное и записанное во всяческих документах по Правам Человека право, как «право на справедливое судебное разбирательство» (статья 6 Европейской Конвенции Прав Человека). Признаки справедливого суда, с точки зрения Конвенции – публичность, независимость, беспристрастность и ряд других и, в том числе, доступность.

Итак, пример 1. «Доступность».

Представьте себе, что только на основании одного-единственного признака почти все суды в России (да и во многих других странах Восточной Европы и Азии) могут быть признаны «недоступными», а именно: отсутствие пандусов с помощью которых инвалиды-колясочники могли бы попадать в здание суда. И получается, что многие граждане имеют полноценное право на защиту, а для достаточно большой части абсолютно дееспособных граждан нашей страны суды *недоступны*. Это – международный стандарт, который очень легко выявляется:

простым визуальным наблюдением – пандусы либо есть, либо их нет; суды по этому признаку либо доступны, либо – нет.

Пример 2. Тоже про «справедливость судов». И еще – про то, насколько Права Человека – это про нас и про нашу жизнь

Ситуация в одном из регионов РФ – в Воронежской области.

Здесь за нескольких лет накопилось около двухсот (200) тысяч (!) неисполненных решений судов. В основном – по невыплаченным пенсиям, компенсациям и т.п.

Что это значит?

Люди не получали денег. Шли в суд. Суд признавал их правоту, выносил решения, но... решения не исполнялись! Иногда – по много лет.

Представьте, не исполнено около 200 тысяч решений суда на 2,5 миллиона жителей Воронежской области (что равно населению Латвии) – это полностью подрывает саму идею судебной системы. Ведь каждый десятый человек здесь знает, что в отношении него решение суда не исполнено.

Сама идея суда означает, что суд – это универсальный арбитр между людьми и людьми, или – между людьми и государством. Но если не исполняются решения суда, то это значит, что эта система не работает. Видимо, нужно обращаться не в суд, а к каким-то «браткам» либо еще куда-то. Суд вроде бы хочет принять справедливое решение, но добиться его исполнения он все равно не сможет.

В настоящий момент, насколько мне известно, по количеству дел в Европейском Суде по правам человека Воронежская область чуть ли не лидирует среди всех регионов РФ, включая Чечню. И это – именно по статье 6 Европейской Конвенции («право на справедливый суд»), и – именно по поводу неисполненных судебных решений.

В связи с этим примером можно увидеть два тонких момента.

Во-первых, все жалобы в Европейский Суд подаются не по поводу самих пенсий. Хотя очень часто журналисты пишут, что в Европейском суде выиграно дело по поводу компенсации чернобыльцам, или по поводу невыплаченных пенсий и т.д. Но в реальности, к сожалению, люди не могут обращаться в Европейский Суд по поводу каких-либо социальных прав, включая пенсии и компенсации. В Европейский суд можно подать жалобу не на то, что пенсию не платят, а на то, что в отношении какого-либо человека решение суда не исполняется. Это действительно очень тонкий момент. Когда мы начинаем работать с международными правозащитными механизмами, мы должны понимать, что, например, в Европейский суд нельзя пожаловаться на невыплату пенсии, потому что в Европейской Конвенции нет «права на пенсию». Но если по такому «социальному праву» мы выиграли дело в каком-либо местном суде, а оно не исполняется, то здесь уже речь пойдет именно о нарушении «права на справедливый суд», а значит – о нарушении 6-й статьи Европейской Конвенции.

Во-вторых, важным моментом является сам подход международных правозащитных структур. Так, решение Европейского суда невозможно ни оспорить, ни «не исполнить». И если какое-то европейское государство является членом Советом Европы, значит, оно находится под юрисдикцией Европейского суда. И здесь есть еще одна интересная особенность. В большинстве европейских «континентальных» стран (включая СНГ) право не прецедентное. НО, тем не менее, все решения Европейского суда практически носят прецедентный характер, причем – не только в отношении решений по этим странам, но – по поводу любых новых толкований норм Европейской Конвенции.

А это значит, что, по идее, каждый судья – даже самого «низового» уровня – должен знать все решения Европейского суда и использовать их в своих делах как прецеденты. Но при этом большинство судей стран Восточной Европы вообще никогда не обучали использовать прецеденты. Они постановления Верховных Судов не всегда читают, хотя и обязаны (часто для них эти решения формально должны бы быть прямым руководством к действию). А уж заставить их читать решения Европейского суда – это из области

фантастики.

Хотя в странах Центральной Европы уже произошли в этом направлении серьезные изменения. У многих судей – даже первой судебной инстанции – в столах уже лежат тома с комментированными решениями Европейского Суда, и они их пытаются применять даже в отношении достаточно местных, локальных дел, касающихся нарушений прав человека (в чем, собственно, и должна заключаться идея применения Европейской Конвенции – в использовании ее именно на национальном уровне, а не только в исключительных случаях на уровне Европейского Суда!).

Есть множество подобных стандартов, касающихся повседневного общения граждан с полицией, или возможности получить важную информацию из государственного органа. И каждый раз, обратившись к уже закрепленным на международном уровне правовым стандартам, мы можем четко определить, есть ли «факт нарушения Прав Человека», или же речь идет просто о «проблеме» или «несправедливости».

И последнее. Несколько слов о популярной «теории естественного права».

Можем ли мы считать Права Человека «естественными правами»?

И да, и нет.

Мы должны понимать природу этого «естественного» (то есть как бы «природного») права. Насколько эти права «встроены» в природу, или – являются результатом человеческой гуманитарной деятельности и заключенных соглашений?

Например, есть естественная сила тяготения. Но, если посмотреть внимательно, никаких «изначальных естественных» прав не существует. Если нет людей, то нет и никаких прав. Мы должны понимать, что право – это наш договор с вами. Никакого другого права в мире не существует.

На необитаемом острове никаких естественных прав нет. Потому что если человек идет по такому острову, то про его «естественное право на жизнь» крокодил ничего не знает и может его скушать или, по крайней мере, откусить большой кусочек... Также местные гамадрилы тоже не знают о его «естественном праве на личную неприкосновенность»: обезьяны прибегают ночью и начинают прыгать или воровать последние припасы...

И если бы права были действительно «естественными», то в природу это было бы обязательно «встроено». Это действовало бы так же, как сила тяготения. НО, к сожалению, ничего подобного не наблюдается...

ОДНАКО мы договорились считать их «естественными», то есть присущими всем людям, исходя из общих гуманистических принципов и достоинства личности. А значит – это продукт нашей гуманитарной деятельности, нашего соглашения.

Если это хорошо понимать, то проблем нет, но если пытаться выводить права человека из «природы этого мира», такая концепция может быть не только неэффективной, но и немножко опасной.

Часть Первая

Введение в концепцию Прав Человека

Предисловие к первой части

Эта часть написана прежде всего благодаря:

- блестящим лекциям одного из самых известных правозащитников-просветителей Европы конца XX века Марека Новицкого (Хельсинкский Фонд по правам человека – HFHR) – лекциям, которые вдохновляют и дают основу для работы сотням и тысячам правозащитников, просветителей и тренеров по Правам Человека и даже государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов, сталкивающихся с проблемой Прав Человека, из десятков стран,
- семинарам и выступлениям Ларисы Богораз, которая представляла замечательное сообщество российских и «советских» правозащитников, возникшее в 1960-х годах и до сих пор влияющее на новые поколения активистов, отстаивающих ценности Свободы и достоинства личности,
- книгам и выступлениям Людмилы Алексеевой, которая и сегодня является «старейшиной» российского правозащитного сообщества.

В значительной степени логическая структура этой части и большинство примеров также появились благодаря идеям Марека Новицкого. Но сейчас уже трудно отличить аутентичный текст Учителя от творческого продолжения и осмысления его идей учеником. И в этом, может быть, и заключается настоящая роль мастера – в том, что он продолжает жить в своих учениках; именно в этом, быть может, и заключается истинный дух преемственности и ученичества...

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ (ГЕНЕЗИС) ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Человек – ограничение власти и возможность менять ситуацию – право

Начиная серьезный разговор о правах и свободах, а тем более - о *Правах Человека*, нам снова важно вернуться к определению «прав человека» и понять, о каких **Правах** мы говорим: обо всех правах вообще, которыми обладают люди в данном государстве (или даже вне зависимости от того, на территории какой страны они находятся), о системе законов, о системе Права в целом и т.п. А также – как бы это ни казалось поначалу удивительным – о правах какого **Человека** идет речь (то есть кто это – «человек»? – является ли им двухнедельный эмбрион, полностью парализованный старик или смертельно больной слепоглухо-немой ребенок?). Все ли здесь так просто, как кажется на первый взгляд?

На эту драматическую тему, мне, тем не менее, вспоминается один старый анекдот из советско-брежневских времен.

Приезжает домой представитель далекого северного селения после XXV-го съезда КПСС. Собираются все в местном клубе или в главной юрте. Стол, покрытый красным сукном. Все ждут самых главных последних новостей и руководящих указаний. А он и говорит: «Теперь я знаю – все во имя человека, все для блага человека! И я даже видел этого человека...»

Что касается «правовой стороны» Прав Человека, то в современном мире (например, если учитывать ООН-овскую и Европейскую системы защиты Прав Человека) термин «Права Человека» обычно употребляется только в случае отношений человека (с одной стороны) и Власти (в широком смысле этого слова – с другой стороны) и – только по поводу небольшого количества (20-30 пунктов) общепринятых «фундаментальных» прав. Но, чтобы действительно подробно рассмотреть это, а главное – понять, как это использовать на практике, нам придется попутно рассмотреть много других вопросов. И первый из них – «Генезис» – возникновение и развитие понятия «права человека».

Нам кажется важным, не вдаваясь в длинную «теорию и философию права вообще», выделить несколько основных моментов, касающихся собственно прав человека.

ПЕРВОЕ. *Каждый человек, каждая личность наделена некоторым набором фундаментальных прав просто в силу своего человеческого происхождения.* Или, если хотите, в силу Человеческого Достоинства, которым наделены все люди – от рождения и до смерти. И эти права никак не связаны с принадлежностью человека к какой-либо социальной группе или классу, а принадлежат ему *персонально*.

Нужно признать, что такое представление появилось достаточно поздно. И оно не было характерно не только для архаичного мира, но и для достаточно цивилизованного – античного или раннесредневекового. Человек, нередко, обладал правами, только принадлежа к тому или иному классу.

Ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме невозможно было говорить о каких-то отдельных правах человека, если человек не принадлежал к какой-то социальной группе или классу. Если ты – гражданин этого полиса, то понятно. Если ты – иностранец, гражданин другого полиса, тоже понятно. Если ты – раб, тоже понятно. Все понятно. Но как только ты перестаешь принадлежать какой-то социальной группе, то у тебя вообще нет никаких прав.

Вы, наверное, знаете, что является высшей мерой наказания во многих традиционных обществах? Это – изгнание. Если ты живешь в социуме, то ты имеешь права. Если тебя изгнали, то ты – никто. Ты вообще не человек, а некое существо о двух ногах, начисто лишённое всех человеческих прав.

Мне вспоминается история. Однажды состоялась дискуссия между Платоном и Сократом,

что такое – «человек». И Платон дал очень емкое и краткое определение, он сказал, что человек – это «дууное без перьев». На следующий день Сократ притащил ему оципанного петуха и сказал: «Вот он, твой человек. Человек по Платону!».

Так что даже в высокоинтеллектуальном античном мире человек, который не принадлежал ни к одной социальной группе или был изгнан, действительно мог считаться оципанным петухом.

ВТОРОЕ. Ограничение публичной власти и возможность менять ситуацию – «всякая публичная власть должна быть ограничена». И это ограничение должно обеспечивать достаточно безопасное существование тем, кто не входит в эту власть или не имеет возможности повлиять на ее формирование, а также ее решения.

Здесь можно упомянуть три вехи ограничения власти.

Кстати, представление о необходимости такого ограничения тоже возникло достаточно поздно. Более того, в некоторых странах, как, например, в странах бывшего СССР, оно до сих пор как следует и не прижилось. Мне кажется, что большинство населения считает: «Если властитель хороший, то власть может быть и неограниченной. И ничего в этом страшного, даже хорошо. Когда власть хорошая, то пускай она будет неограниченная. Когда плохая, то пускай будет ограниченная». Такой подход представляется достаточно опасным.

Здесь можно говорить о трех принципиальных элементах:

- ограничение публичной власти внутри государства;
- ограничение власти самого государства (ограничение суверенитета государства);
- возможность изменения ситуации и несогласия с властью.

1. Ограничение публичной власти внутри государства

И здесь снова есть три важных момента в ограничении публичной власти. Три маленькие истории из разных исторических эпох.

(1). Ограничение исполнительной власти.

Именно эта форма власти сперва представлялась как «единая и неделимая» и чуть ли не данная «высшими силами». Хороший пример такого ограничения – подписание в 1215 году королем Англии Иоанном Безземельным «Великой Хартии Вольностей» (Carta Magna), ограничившей власть короля и позволившей сформировать первый английский Парламент (документ, который, кстати, отчасти действует в Великобритании до сих пор).

Итак, первый этап ограничения публичной власти.

Попытка «набросить узду» на исполнительную власть.

Англия, 1215-й год. Великая Хартия Вольностей.

Один из первых подобных правовых актов Европы.

Английский король Иоанн Безземельный в свое время распродал весь свой королевский домен для содержания своего двора, а потом стал вводить самые разные налоги, в том числе – весьма экзотические и несправедливые.

Это напрямую затронуло интересы Великих баронов, ведь именно через них король собирал все налоги – не было еще «федеральных налоговых служб» и т.п.

И вот однажды, когда вся эта ситуация окончательно надоела Великим баронам, они заманили этого самого Иоанна Безземельного (который, кстати, был младшим братом Ричарда Львиное Сердце и известен по ряду художественных произведений, таких как «Айвенго» Вальтера Скотта, как «принц Джон») в один замок и заставили его подписать «Хартию вольностей». Впрочем, у него был выбор – подписывать или же подвергнуться ряду «медицинских экспериментов» (т.е. ему угрожали пытками, а значит – готовились

нарушить ст. 3 Европейской конвенции по Правам Человека). Он был человеком нелюбопытным (не стремился стать подопытным в этих медицинских экспериментах) и подписал Хартию почти не глядя. Вообще, советую почитать эту Хартию вольностей – документ любопытнейший...

В самой Хартии было много интересных и важных моментов. Например, о правах городов и городского самоуправления. Об организации судопроизводства. И многое другое. Но нам сейчас важен один момент – момент ограничения исполнительной власти.

Итак, теперь в Англии появляется новый орган власти. До этого была только исполнительная власть, которая никем и ничем не была ограничена. Великие бароны потребовали, чтобы отныне появился Парламент (естественно, не современный, а всего лишь в виде совета лордов) – представительная власть, которая ограничила бы исполнительную власть. Причем, самое главное – хотя бы в одном вопросе – в праве короля устанавливать налоги. Для 1215-го года это было первое и очень жесткое ограничение для власти короля – отныне он не мог единолично вводить новые или увеличивать старые налоги.

(2). Ограничение всех ветвей власти «общим универсальным законом, принятым народом».

Это, например, конституционный процесс в США во второй половине XVIII века, когда не «король своей милостью» или «король и парламент вместе», а «Мы, народ...» установил некие «правила игры» для всех ветвей власти. Да еще и сформировал особые органы, которые не позволяли бы отдельным ветвям власти вторгаться в компетенцию друг друга и – тем более – превышать те полномочия, которые им четко определены Конституцией (Высший или Конституционный суд). И это стало началом действия принципа: «Народ может все, что Конституцией прямо не запрещено, а власть – лишь то, что Конституцией для нее прямо разрешено!». Это стало воистину революционным переворотом в сознании самих граждан и их роли в собственном государстве: народ как суверен, а власть – как нанятый менеджер.

Таким образом, вторая вежа – ограничение всех ветвей власти.

Вторая половина XVIII века.

Соединенные Штаты Америки сразу после Войны за Независимость.

Принимается Конституция, задающая «высшие правила игры», установленные народом, для всех ветвей власти.

Тогда произошел переворот в сознании не только американцев, но и в сознании человечества. До этого ситуация была очень простая. Есть, например, король, есть Парламент, есть какие-то другие органы, которые периодически даруют нам права и свободы. Американцы решили, что любая власть должна действовать в соответствии с законами, установленными народом. Т.е. над любой властью должен быть некий всеобщий закон. Они назвали его Конституцией.

Вы наверняка помните, как начинается преамбула Конституции США: «Мы, народ Соединенных Штатов...».

Кстати, Конституция Российской Федерации, например, начинается со слов: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» – то есть она четко устанавливает, КТО в России суверен – народ! А если почитать дальше, об основных задачах государства, то становится понятно, что главным сувереном является Человек, а его Права и Свободы – высшая ценность для современного Российского государства. Уж и не знаю, насколько точно это реализуется на практике...

Итак, идея американцев заключалась в том, что «мы, народ, создаем Конституцию», – т.е. некие «правила игры» для всех видов власти – исполнительной, законодательной и судебной. Все эти ветви власти должны нам подчиняться через установленные «правила». Это и была идея конституционного строя, идея Конституции. До этого власть устанавливала «правила игры», а теперь – народ. Для этого там появился специальный

орган – Высший суд. Я буду называть его «Конституционным судом», как это принято в Европейской традиции. Этот суд призван следить за двумя вещами:

1) чтобы отдельные ветви власти не вторгались в компетенцию друг друга;

и 2) – еще более важный момент – чтобы они не смели расширять свои собственные права и полномочия, определенные Конституцией.

Если исполнительная власть посмеет взять себе прав немножко больше, чем написано в Конституции, то Конституционный/«Высший» суд должен немедленно «дать ей по рукам».

Опять же, важен сам подход: у власти ровно столько прав, сколько написано в Конституции. А у народа – все остальное. Если, например, в Конституции не написано, что какой-то орган власти имеет определенные дополнительные права по отношению к гражданам, то, значит, он и не может их себе присвоить.

Поэтому у народа изначально – все права и свободы (кроме запрещенных законом), а у трех ветвей – ровно столько прав, сколько им определили в Конституции, и ни на йоту больше. Это – принципиальный подход к власти.

Кстати, появление идеи о том, что власть – всего лишь хороший менеджер, должно составлять конституционную основу. Но многие народы пока не могут осознать это. Многие продолжают считать, что власть – это какой-то огромный и всемогущий властелин, у которого откуда-то изначально есть все права и привилегии и который иногда нам милостью своей дает какие-то права. Такой подход мне напоминает картинку: государство – такой хозяин в доме, а все граждане – просто бедные родственники, приживалки, которые приехали неизвестно откуда, и им переночевать негде (родственники из провинции, которые приехали в столицу, а кроватей лишних нет). Такая власть владеет всем – ей все доступно – все природные богатства, все ресурсы и т.д. Все налоги, все деньги – все у нее. А народ – что ему дали, он и этому уже радуется. Не дали – плачет. И униженно просит.

Но есть и другая, «конституционная» картинка. Если власть – это хорошая и добрая служанка («эффективный менеджер»), то с ней нужно поступать следующим образом: ежели она хорошо себя ведет, вовремя убирает и т.д., то ей нужно выдавать пряник, поощрять ее, а если она плохая служанка, то ее нужно наказывать штрафами, а потом увольнять. У многих американцев, как бы мы их ни ругали за разные современные политические ситуации, это представление о власти как о служанке – в крови. Они очень часто открывают дверь к чиновнику ногой и говорят: «Я пришел к тебе, потому что я – налогоплательщик. Я тебе плачу. Ты живешь на мои деньги. Отвечай, чем ты мне помог!». Для американца это привычная формула, а для россиянина – это почти невозможная вещь.

Кем многие из нас пока себя чувствуют? Мы чувствуем себя теми людьми, которые приходят к чиновникам, чтобы потребовать от них правильного исполнения закона? Или мы приходим к чиновникам как жалкие и мелкие просители?

(3). Ограничение «административной власти».

Главная идея этого этапа – это ограничение власти конкретного чиновника или властного органа (здесь, конечно, речь идет все о той же исполнительной власти, но прежде всего не на уровне Правительства, которое как раз и ограничено Парламентами, но до которого далеко, как до Луны, а о «низовом уровне», где нужны быстрые и эффективные решения).

В некоторых странах, таких как Германия и Австрия, еще в конце XIX века начали появляться специализированные административные суды, в которых гражданин, в отношении которого принято несправедливое решение каким-либо чиновником, может не только опротестовать действия этого чиновника, но и «наказать» его.

Во многих странах на сегодняшний день подобные дела рассматривают обычные гражданские суды, но они завалены огромным количеством самых разнообразных дел, и они не очень готовы быстро и беспристрастно работать по таким делам.

2. Ограничение власти самого государства (ограничение суверенитета государства)

Ограничение суверенитета власти любого государства над народом своей страны.

Этот момент особенно важен для тех стран, где власть допускает массовые нарушения Прав Человека.

Это – XX век. А точнее – 1945-й год (Устав ООН) и 1948-й год (Всеобщая Декларация Прав Человека).

Видимо, сказался чудовищный опыт II Мировой войны, унесшей жизни десятков миллионов людей. Опыт того, что культивируемый до войны Лигой Наций принцип *невмешательства во внутренние дела* других стран (о том, что даже если там происходит настоящий геноцид, истребляются сотни тысяч и миллионы, права человека попорчены и раздавлены, а внешней агрессии вроде бы нет, то и вмешиваться нельзя), – себя исчерпал.

И именно следование этому принципу значило, что если Гитлер начинает свои кровавые расправы сперва не с соседей, и даже не с немецких евреев, а с отдельных специфических социальных групп, признававшихся «истинными арийцами», а его никто вовремя не остановит (пока он ни на кого не напал), то через некоторое время он непременно зальет кровью всю Европу. Именно *потенциальной возможностью* вмешательства во внутренние дела отдельных государств со стороны международного сообщества, если там есть серьезные нарушения Прав Человека, и стала отличаться новая система ООН. Конечно, сам механизм так до конца и не отработан и часто дает сбой, но *принцип* уже утверждён.

Если посмотреть на историю фашистской (нацистской) Германии, то можно вспомнить, с кого начал Гитлер в 1933-34 году массовое уничтожение. Не с евреев, не с цыган и не со славян. Он начал с психически больных и геев. Он сперва начал уничтожать только «истинных арийцев», точнее – ту их часть, которую считал «неполноценной». С точки зрения нацистов, все было весьма логично. Началось все с чистки в среде «своих», а вовсе не иностранцев или даже инородцев. Европа на это все спокойно смотрела, потому что принцип Лиги Наций был очень простой: «Пока ты на нас не нападаешь официально, ты можешь у себя внутри страны делать все, что тебе угодно – можешь уничтожать геев, евреев, коммунистов, социал-демократов, интеллигенцию, – ведь это твоя страна, ты же на нас пока не нападаешь».

Так вот, после этой страшной войны, видимо, общество, наученное таким тяжёлым уроком, решило, что вмешиваться иногда нужно. Если бы в 1933-34 году, когда у Гитлера была еще слабая армия, международное сообщество вмешалось, то, может быть, не погибло бы более 50-ти миллионов европейцев...

*Вот и возник вопрос у международного сообщества, что делать. Тогда была придумана новая концепция, новая структура – ООН. И даже если говорить об ООН и собственно о «Правах Человека», то, опять же, нам, прежде всего, важен даже не 1948-й год (Всеобщая Декларация Прав Человека), а именно 1945 год, когда появляется Устав ООН, – там появляется термин «права человека». В Уставе ООН было определено, что одной из главных задач **любого** государства является уважение и соблюдение прав человека. Если в государстве этого не происходит, то международное сообщество имеет право вмешаться. Не только может установить экономические санкции, но даже ввести войска. Но только по решению Совета Безопасности ООН. Он для этого и был создан.*

Насколько этот принцип соблюдается? Насколько все честно? Это вопрос открытый и во многом политический. Но если мы будем всерьез относиться к самому принципу приоритета Прав Человека перед «государственным суверенитетом» любой страны, то мы можем рано или поздно потребовать – совершенно осознанно – от наших государств соблюдения этого принципа. И по отношению к собственной стране, и по отношению к другим странам.

Безусловно, в деятельности ООН по вмешательству во внутренние дела стран, где массово нарушаются Права Человека, есть примеры плохие и примеры хорошие. Но очень важно

то, что суверенитет отдельной страны стал ограниченным.

Кстати, еще один интересный момент. У меня была старая компьютерная программа-переводчик. И в ней, когда вводил термин «права человека», всегда появляется перевод «Rights of Man». И это правильно, точнее – было правильно. Это был устоявшийся термин до 1945 года. Потому что «man» – это и мужчина, и человек. По-французски этот термин до сих пор так и пишется (или по-украински). Но так как в разработке ООН-овских документов принимала участие Элеонора Рузвельт, то ее очень раздражала эта терминология, и она настояла на новом термине – «Human Rights». Хотя в английском языке невозможно просто употребить «human» как существительное, можно – «human beings» (люди). Но термин появился...

3. Возможность изменения ситуации и несогласия с властью

В любом современном государстве должны существовать механизмы изменения ситуации через изменение системы. То есть должны существовать процедуры мирного и конструктивного выступления людей против власти, если власть не собирается улучшать ситуацию, особенно – уважать права и свободы граждан. Здесь, конечно, речь НЕ идет о мятежах, революциях, терроризме и т.п. – о том, что попирает права и свободы людей нередко еще сильнее, чем сама власть, – а о праве на свободные митинги, мирные собрания, свободные и независимые организации и т. п. Если же таких механизмов нет, если они не закреплены законодательно и не обеспечены реально, то Права Человека соблюдаться не будут. О них могут кричать демагоги, но существовать они будут только в декларациях. Ибо власть остается всесильной, и люди не имеют мирных и эффективных способов борьбы с этим ее всевластием. И тогда государство начинает напоминать чайник с запаянными крышечкой и носиком, поставленный на огонь. Если нет ни одной «дырки для пара», чайник взрывается. И тогда дело – и для властителей, и для народа – заканчивается катастрофой.

Мне, например, кажется: то, что происходило с Россией в 1917 году (я не имею ввиду именно революции – я не собираюсь высказывать политические предпочтения, восхвалять «белых» или «красных», – я имею ввиду гибель миллионов ни в чем не повинных мирных жителей, женщин, стариков, детей, сгинувших в топке Гражданской войны), – происходило, отчасти, потому, что страна напоминала вот этот самый чайник. У оппозиционной интеллигенции не было реальной возможности действовать мирно, не через революцию.

Любая власть, которая пытается «закрутить гайки», подкладывает сама под себя бомбу. Обязательно нужно, чтобы в крышке любого чайника была дырочка. Если ее нет, то происходит трагедия.

В этом смысле любые права и свободы, наличие оппозиция, свободная печать – это клапан, предохранительный механизм для того, чтобы страну не разорвало. Чтобы люди могли каким-то образом воздействовать на ситуацию и изменять ее мирно. И не доводить дело до бунта.

ТРЕТЬЕ. Право как универсальный регулятор.

Мы уже рассмотрели, с одной стороны, концепции, связанные с самим понятием Человека и человеческого достоинства.

С другой стороны, мы рассмотрели отношения между Человеком и властью (те самые отношения, которые, собственно, и относятся к сфере «Прав Человека»).

Теперь имеет смысл поговорить о «Праве».

Естественно, наш краткий обзор не позволяет всерьез и подробно останавливаться на этой теме – для этого есть замечательные учебники по теории происхождения права. И мы не хотели бы подменять их.

Нам сейчас важно отметить, какую роль в концепции «Прав Человека» играет «Право». «Право» как некий высший и «справедливый» Закон. И как он реализуется в принимаемых властью законодательных актах.

Отсутствие «права» как универсального регулятора отношений означает «всесилие сильного» и беззащитность слабого. Если нет права, или оно попирается, то нет никакого способа отстоять справедливость, нет способа установить справедливые «правила игры» в виде законов, нет способа защититься от диктатора или обнаглевшего чиновника. Быть может, именно это отношение защитников Прав Человека к «Праву» и определило их наименование на русском языке – «правозащитники».

КРАТКИЕ ИТОГИ

Итак, мы выделили три важных исторических момента в формировании современной концепции Прав Человека:

- 1) определение ценности и значимости отдельной человеческой личности,
- 2) понимание необходимости ограничения любой публичной власти и существование возможности изменять ситуацию, в том числе – не соглашаясь с властью,
- 3) наличие Права как универсального регулятора отношений.

Все, о чем мы говорили, с одной стороны, очень просто, но, с другой стороны, люди во многих странах до сих пор очень мало верят в то, что такое возможно. Что власть можно ограничить не только на словах, но и в реальности. Что могут быть механизмы по мирному изменению ситуации, созданные самой властью (если она разумна). Тем не менее, ряд стран показывает нам пример и дает надежду, что такое возможно – при активном желании самих граждан.

Проблема же еще и в том, что до тех пор, пока люди *не верят* в реализацию этих принципов, ничего хорошего и *не будет*. Получается некий замкнутый круг.

Так было, например, в сталинские времена – люди во многих странах «соцлагеря» были уверены во всесилии власти, и она таковой и стала.

Значит, наша задача – разорвать этот порочный круг.

И это задача – отнюдь не только правозащитников. Это задача – самих граждан, если они действительно хотят пользоваться правами и свободами, жить под «защитой права» и не хотят кровавых потрясений для своей страны.

II. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДЕМОКРАТИЯ

Демократия «историческая» и «современная».

Проблемы большинства, меньшинства и единицы.

Международные стандарты и механизмы защиты Прав Человека

Когда мы говорим о современной демократии, понятии, которое является базовым для современных государств, в частности, входящих в Совет Европы, мы должны понимать, что это за форма правления и чем она отличается от других.

Если отвлечься от прямого перевода – «*демос* + *кратос* = власть народа» – и вдуматься в механизм формирования власти, то, например, монархия – это власть одного человека или одной семьи, аристократия – это власть некоей группы, касты, одного социального слоя, а демократия как механизм – это *власть большинства* (от тех, кто имеет право голоса). Более того, *исторически* она именно так и возникала!

Но здесь есть серьезный вопрос: если демократия как механизм (в чистом виде) – это власть большинства, то хороша ли она «в чистом виде», когда в ней нет других элементов? Еще 70 лет назад любое большинство в любой стране могло прийти к власти и установить любой порядок, который посчитало бы нужным, и при этом такое государство считалось бы совершенно демократическим!

Но можно вспомнить два исторических примера о трагических последствиях неограниченной власти большинства («неограниченной примитивной демократии»).

Первый пример. Античность. Известный греческий философ Сократ был осужден на смерть абсолютно демократическим образом Афинским Ареопагом «за развращение молодежи» (имелись в виду вовсе не «эротические излишества», а то, что на современном языке называется «правозащитным образованием и гражданским просвещением» – чем занимается и ваш покорный слуга в этой книжке) – за то, что философ обучал молодежь самостоятельно мыслить и критически относиться к авторитетам, «сомневаться во всем» и самостоятельно приходить к тем принципам, которые именно в этом случае и обретают истинную ценность. Имя Сократа известно всему миру и увековечено многими философскими трудами, а имена и деяния тех, кто голосовал за его смерть (а это было чуть ли не 90% Ареопага), мало кому известны.

Второй пример. Германия 30-х годов XX века. Победа на демократических выборах 1933-го года Национал-социалистической рабочей партии Германии. Демократия была вроде бы «абсолютной» – Гитлер не использовал никаких особых полит-технологий, не было никаких подтасовок на выборах, и Президент Веймарской республики Гинденбург тожественно вручил Гитлеру ключи от Рейхстага: Гитлер стал Рейхсканцлером совершенно законно. Причем нацисты по большому счету даже никого не обманывали и не скрывали своей программы действий, говоря о том, кого они начнут уничтожать в первую очередь, и значительная часть населения за них проголосовала, видимо, посчитав все это ерундой или даже частично согласившись с ними... Формальные «демократические процедуры» были соблюдены.

И если демократия такова, что приводит к подобным чудовищным последствиям – гибель выдающегося человека в одном случае и гибель 50-60 миллионов человек в другом (а если сосчитать тех европейцев, кто не родился, то потери Европы во Второй мировой войне составляют около 500 млн. человек, – и учитывая, что в «современной Европе», по версии Совета Европы, включая Россию, живет 800 миллионов человек, – нас сейчас могло бы быть больше на 500 миллионов... таких потерь не было у человечества за всю его историю) – то возникает вопрос: что можно сделать с такой демократией, чтобы предотвратить подобные последствия?

Получается, что большинство, придя к власти, может совершить с меньшинством все, что

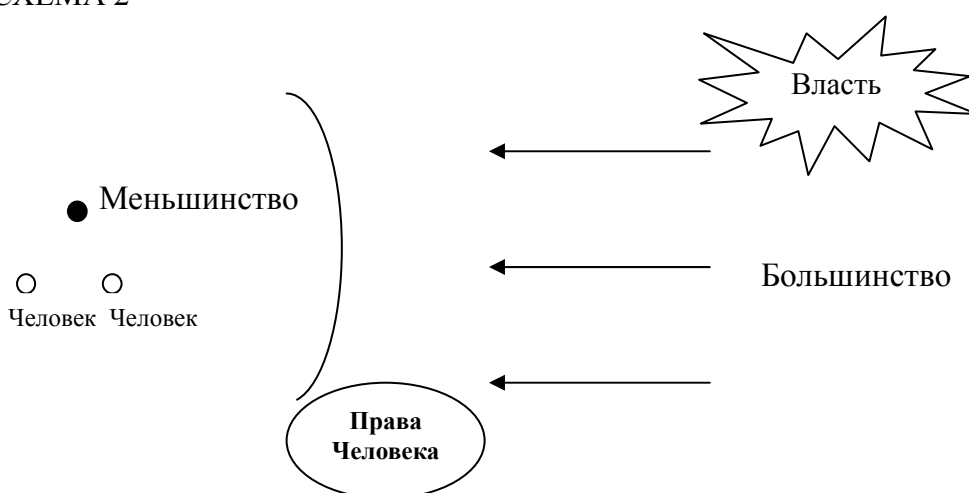
захочет, вплоть до физического уничтожения. Многие немцы в 1930-х не думали, что они принадлежат к меньшинству. В тот момент, когда они голосовали за Гитлера, они полагали, что они «истинные арийцы» (то есть «большинство»!), и этого достаточно. А потом выяснилось, что они принадлежат к какому-либо меньшинству: они католики, социал-демократы, литераторы-либералы и т.д. Обнаружилось, что когда большинство победило, то внутри этого большинства уже другое, новое большинство стало уничтожать новые меньшинства... и так до бесконечности.

Надо понимать, что по многим критериям все мы принадлежим к меньшинствам. И не только таким специфическим, как национальные, сексуальные или религиозные. Мы все принадлежим к меньшинствам по огромному количеству признаков. Например, студенты – меньшинство по отношению ко всей молодежи, молодежь – это безусловное меньшинство по отношению ко всему населению страны, жители России – это меньшинство по отношению к жителям стран Совета Европы, и так во всем. И, самое главное, мы принадлежим к единственному уникальному меньшинству, являясь *личностью*, ибо второго такого человека в мире нет.

Если бы демократия в чистом виде (исключительно как власть большинства) торжествовала сегодня, тогда был бы, например, возможен референдум, по решению которого в одном регионе РФ устроили бы свалку всех ядерных отходов, ввозимых в Россию (допустим, в Тамбовской области). Результаты подобного референдума (воли большинства) предсказать легко: жители всех остальных регионов (большинство) с радостью проголосуют «за», может быть, за исключением жителей соседних областей.

В условиях же современной демократии именно Права Человека являются сдерживающим фактором для любой власти, для любого большинства. Они были придуманы и *встроены* в демократию как *щит*, который защищает меньшинства – и самое маленькое меньшинство – отдельного человека, неповторимого в своей индивидуальности. И Права Человека – это всегда шанс меньшинства выжить при любой власти, так как каждый человек знает, что есть некие базовые принципы, которые не могут быть нарушены. Есть некая зона безопасности, которая не может быть нарушена никакой властью, никаким большинством.

СХЕМА 2



Итак, первый важный момент. Прав Человека – это то, что предотвращает фатальность конфликта большинства и меньшинства, это – щит, который защищает меньшинство, который мешает большинству совершать насилие над меньшинством.

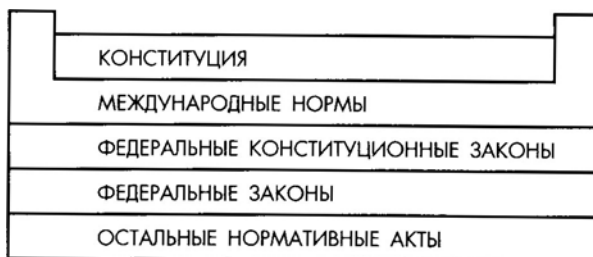
Второй важный момент. Права Человека – это набор *фундаментальных, самых важных прав*, которые закреплены на международном уровне. Да, большинство может устанавливать свою власть и свои порядки, свои налоги, но не может произвольно сажать в тюрьмы, отбирать собственность, отменить презумпцию невиновности. И это стало возможным после Второй мировой войны, когда права человека были признаны международными нормами. В современном представлении, Права Человека изначально действуют как международный механизм, чтобы предотвратить массовое нарушение прав меньшинства в любом отдельно взятом государстве, чтобы международное сообщество, которое «изобрело» Права Человека именно как четкие правовые нормы, имело возможность вмешаться.

И если, например, на местном референдуме попробовать поставить вопрос о том, чтобы у какого-нибудь правозащитника (как «агента либерализма») отобрать квартиру и отдать под приют для бездомных собачек, то хоть и можно снова предсказать его результаты (к сожалению, не в пользу этого человека), – сама процедура должна быть признана незаконной.

Если посмотреть на Европейскую Конвенцию по Правам Человека, сразу будет понятно, какие именно статьи (международные стандарты) будут нарушены. Мы сразу можем сказать, какие права человека (правовые нормы), признанные международным сообществом, в этом случае нарушит власть, взявшая на себя *ответственность* за их соблюдение и принявшая *обязательства* уважать Права Человека на своей территории. И хотя Права Человека часто отражены в Конституциях (то есть на национальном уровне), очень важно, что это – международный стандарт.

Наверняка вам известно, что в иерархии российских законов сразу после Конституции идет *международное законодательство*, то есть Конвенции ООН, Европейская конвенция по правам человека и все остальные соответствующие документы (более того, многие юристы считают эти международные документы даже *выше* Конституции, но это уже отдельный и очень интересный юридический спор, который для нашего вопроса не принципиален – в любом случае все признают верховенство международных норм Прав Человека перед любыми национальными законами). Они выше любых, даже Федеральных и Конституционных законов и уж тем более выше Указов Президента, постановлений Правительства и т.п. К сожалению, далеко не все граждане РФ и даже не все судьи об этом помнят. Более того, эти международные документы, как и Конституция, часто являются *документами прямого действия*. Это означает, что для их исполнения не нужны никакие дополнительные законы и инструкции, которые бы разъясняли, что же это такое. И что можно обращаться даже в районный или мировой суд непосредственно ссылаясь на нормы нашей Конституции или на статью Европейской конвенции. И ни один районный судья не имеет права отказать.

СХЕМА 3



То есть, в принципе, Европейская Конвенция (и решения Европейского Суда) или Международный Пакт о гражданских и политических правах (ООН) для любого рядового судьи должны быть более важными, чем, например, Гражданский кодекс. И судья должен

руководствоваться нормами Конвенции и решениями Европейского Суда. И в случае, если существует противоречие между любым Кодексом и международными нормами, то действовать должны международные нормы, а не кодексы. Так, например, записано в российской Конституции и принято во всем мире. У нас это пока фантастика, а в соседней Польше – уже реальность.

И если какая-либо власть захочет «убрать» этот принцип действия международных норм из своего государства, это будет означать, что государство фактически заявляет о том, что оно *не признает Права Человека* именно в качестве международных стандартов. Такое государство, следовательно, должно автоматически выйти из международных структур (ООН, Совета Европы, ОБСЕ и других). Наличие международных норм – это специальная мера для того, чтобы власти какой-либо страны не могли вдруг заявить о том, что на ее территории более не действуют права человека – в том виде, как их понимает международное сообщество.

Возвращаясь же к «демократии», следует отметить, что, кроме, собственно, «власти большинства» (что, конечно, является одним из ее составных частей) и ее ограничения по отношению к одному отдельному человеку и меньшинствам («Права Человека» как барьер, стоящий на страже отдельной личности по отношению к интересам большинства, власти, сообщества, групп и т.п.), – для существования демократии нужно еще несколько элементов. Это, например: разделение властей (на исполнительную, законодательную и судебную) и их независимость друг от друга, периодические (регулярные!) свободные выборы и осуществление (хорошо отлаженные механизмы) контроля над властью, в том числе – система **гражданского контроля**.

Впрочем, некоторые политологи выделяют еще несколько признаков демократии, по мы здесь говорим о самых важных именно с точки зрения нашей основной темы.

А возвращаясь к «Правам Человека», на этом этапе мы можем попробовать сформулировать несколько тезисов.

Права Человека – это не абстрактное понятие и не многотомный свод законов, а всего лишь - набор 20-30 правил, ограничивающих власть [большинства] по отношению к отдельному человеку (который, вообще-то, является самым малым и самым естественным меньшинством, ибо каждый из нас как личность – уникален и неповторим).

Права Человека – это то, что делает возможной более-менее нормальную жизнь меньшинства вне зависимости от того, какое большинство захватило власть, то, что ограничивает посягательства власти большинства на наши права и свободы.

Права Человека – это наш щит, это система защиты индивидуума от власти и от несправедливого вторжения других, более сильных индивидуумов, и это – что принципиально – международный механизм, «встроенный» в любое современное государство по решению международного сообщества.

III. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРАВА И СВОБОДЫ

«Вертикальность» Прав Человека.

Свободы, права и задачи государства.

Права Человека как фундаментальные права и международные стандарты

1. «Вертикальность» Прав Человека.

Мы уже несколько раз говорили о том, что **Права Человека** - это правила, относящиеся к так называемым «**вертикальным**» отношениям – т.е. отношениям между «властью» (в широком смысле слова) и «человеком». «Горизонтальные» же отношения возникают между людьми – соседями, родственниками, людьми на улице, партнерами и к «Правам Человека» отношения не имеют. Если один человек убивает другого во время драки – это не является нарушением «Права Человека» (права на жизнь), потому что этот человек не является представителем власти. Убийца будет просто уголовным преступником, но он не нарушил «Права Человека». Но если человек стал убийцей во время исполнения служебных обязанностей (например, полицейский), т.е. в то время, когда он представлял Власть, то это уже **нарушение «Права Человека»**.

Объяснение «вертикальности» Прав Человека как особого типа Прав – сложный и важный момент. Ситуация первая. Предположим, человек вышел на улицу. На него там напал хулиган, сильно избил. Право человека «на жизнь» нарушено? Да. А есть ли «факт нарушения Прав Человека»? Можем ли мы здесь задействовать международный механизм защиты Прав Человека (ведь нас интересует именно это, а не некие философские определения)?!

Ситуация вторая. К человеку подбегает полицейский и тоже избивает его. А это как – нарушение Прав Человека или нет?

Вот здесь ключевой момент. Полицейский – представитель власти. А «обычный хулиган» – нет. В обоих случаях с точки зрения национальных законов можно говорить об уголовных преступлениях, но во втором – еще и о «нарушении Прав Человека». Причем, что принципиально важно, о нарушении Прав Человека НЕ со стороны конкретного милиционера, а со стороны власти («государства») в целом – в Европейский Суд по правам человека мы, например, подаем жалобу вовсе не на конкретного полицейского, а на государство. И оно должно не просто ответить за нарушение, но еще и подумать о том, как предотвратить подобные вещи впредь!

Это – действительно сложный момент для понимания. В «теории и практике» Прав Человека важно не только, КАКОЕ именно право нарушено (то есть оно обязательно должно относиться именно к общепринятому перечню Прав Человека, иначе речь снова пойдет о каком-то другом нарушении прав). Важно еще и то, КТО является субъектом нарушения права. Когда мы говорим про Права Человека, то это в современной практике всегда именно вертикальные отношения – между властью и человеком. Именно так – совершенно сознательно – была придумана вся система защиты Прав Человека, которая защищает человека от власти (в том числе – власти большинства), от того, что значительно сильнее и больше его, а от других людей его защищает другая система прав (национальное уголовное и гражданское законодательство и т.п.).

Поэтому понятно, что в Европейском суде по правам человека возможно дело «Диккенс против Великобритании», «Лермонтов против Российской Федерации», но невозможно дело «Диккенс против Лермонтова». Т.е. ответчиком по любым нарушениям прав человека всегда является только государство.

Если разбираться с обязанностями государства, то здесь возникает еще несколько сложных моментов.

Так, мне часто приходится вести семинары для организаций, которые занимаются правами

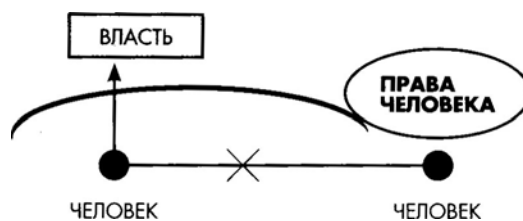
женщин. Очень многие такие организации занимаются тяжелой и очень драматической проблемой домашнего насилия. И вот здесь, если мы хотим говорить о правой стороне, возникает этот самый момент. Часто такие организации говорят, что проблема домашнего насилия – это «проблема попрания Прав Человека». Они одновременно и правы, и нет.

Если муж избивает жену, или жена мужа, то это – обычная уголовщина.

А вот если жена идет в милицию и говорит: «Вот следы побоев, муж бьет меня, ребенка. Примите меры». А ей в ответ говорят: «Что делать, милочка, бьет – значит, любит. Ты что хочешь – дело заводить? Ну, заберем мы его в «обезьянник», побьем. Тебе легче станет? Он же вернется домой и избьет тебя в два раза сильнее... Пойди домой и сама разберись», – вот в этот момент начинается нарушение именно Прав Человека. Но не со стороны мужа-негодяя, а со стороны власти, потому что власть (в лице полиции) отказалась эффективно защищать права женщины и ее ребенка и, тем самым, нарушила Права Человека (скорее всего, это 13-я статья Европейской Конвенции – «Право на эффективную защиту»).

Если есть угроза покушения на мою жизнь, неважно, от кого она исходит, и я обращаюсь к власти, а представители власти (полиция, прокуратура и т.п.) говорят, мол, «иди и разбирайся сам», – вот это уже элемент нарушения Прав Человека. Когда человека лишают права на эффективную защиту – это нарушение прав человека, но не со стороны «равного» (мужа, жены, тещи, соседа-алкоголика), а со стороны власти, которая отказывается предоставить защиту своим гражданам.

СХЕМА 4



Часто возникает вопрос: почему это так? Почему здесь важен именно субъект, нарушивший права? И почему при одном и том же событии, с точки зрения жертвы, в одном случае мы говорим о «правонарушении», а в другом – о нарушении Прав Человека?

Ответ один – по определению. Права Человека так определяются. Так записано в любой конвенции. При подписании международных конвенций именно государства обязуются соблюдать и уважать права своих граждан, а граждане на себя таких обязательств не брали и никаких таких конвенций не подписывали... Если внимательно читать международные документы по защите Прав Человека, то мы увидим, что именно так там и записано.

Например, «Конвенция о защите Прав Человека и Основных Свобод» («Европейская Конвенция по правам человека»), статья №1: «Высокие договаривающиеся Стороны [государства] обеспечивают каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции».

И во второй половине XX века было предложено признать Правами Человека (Human Rights) именно этот, особый вид правоотношений, когда нарушителем прав выступает государство, – чтобы обеспечить дополнительную защиту именно отдельного человека перед лицом огромного и почти всесильного государства (власти), чтобы таким образом избежать массовых нарушений прав человека со стороны различных государств и создать дополнительные механизмы защиты для единицы. Ведь государства могут выступать в роли посредника в конфликтах между отдельными людьми, но кто-то обязательно должен стоять на страже человека, когда его права нарушает государство. И вся международная система защиты прав человека (как меж-государственная) была придумана и построена для того, чтобы ни один человек не чувствовал себя маленьким и беззащитным по отношению к

власти.

Именно по этой причине Права Человека – это *НЕ все права*, какие есть на белом свете, а набор небольшого количества общепризнанных норм, которых всего-то штук 20-30, и они, как правило, повторяясь, упоминаются в самых разных документах. Это всего лишь 20-30 стандартов! Самых важных. Самых фундаментальных. Без которых невозможно ни принять, ни защитить никакие другие права, в том числе, и вовсе не относящиеся к сфере Прав Человека, но тоже достаточно важные для жизни и нормального существования людей.

Все, что не входит в эти стандарты – это *задачи государства*, внутренне дело этого государства. Например, если разные государства берут на себя обязательство выплачивать пособие по безработице, то в одном государстве это может быть 1000 долларов, а в другом 5 долларов – единого социального стандарта нет. Но в случае со стандартом свободы от пыток нельзя сказать, что в Англии пытать нельзя совсем, а в Украине можно пытать чуть-чуть. Стандарт *единый: пытать нельзя никак и никого*. Пыткой и в Англии, и в Туркменистане является один и тот же факт.

В определении «вертикальности» Прав Человека как отношений власти и человека есть еще один сложный момент. Он касается того, что мы подразумеваем под понятием «власть». Мы не можем остановиться на нем подробно – он требует слишком долгого разговора, и здесь до сих пор нет единых стандартов (кроме «власти как публичной – государственной и муниципальной – власти»). Тем не менее, несколько слов сказать необходимо.

Кроме такого «узкого» и понятного определения, некоторые современные теоретики и практики Прав Человека называют еще несколько типов власти.

Власть, считают они, – это:

во-первых, «государственная власть» (вплоть до самого низшего, муниципального уровня);

во-вторых, власть работодателей по отношению к наемным работникам (поэтому нередко свободные профсоюзы относят к правозащитным организациям);

и, в - третьих, это власть родителей и педагогов (а также опекунов и т.п.) над детьми (или над ограниченно дееспособными людьми).

Такое «расширенное» понимание «власти» связано с тем, что нередко работодатель имеет почти неограниченную «моральную» власть над наемным работником, как и родитель над ребенком. И речь здесь может идти не только о физическом насилии. Здесь еще важен вопрос, может ли наемный работник или ребенок эффективно защищать себя в суде в этих случаях, выступая как «равный», или же речь идет скорее о «вертикальных отношениях» (естественно, мы здесь берем, прежде всего, возможность пользоваться правовыми средствами защиты в более-менее справедливом государстве).

Так, драка двух детей – это просто конфликт между детьми, а вот избивание ребенка директором школы (или отчимом несовершеннолетних дочери или сына) можно отнести к нарушениям Прав Человека. Но это – действительно непростой вопрос, потому что Европейский Суд пока такие дела не рассматривает (он не считает родителя или директора предприятия надлежащей стороной для подачи на него жалобы с точки зрения Европейской Конвенции).

2. Свободы, Права и «задачи государства».

Существует много разных классификаций Прав Человека. У нас, к сожалению, нет возможности здесь подробно на них останавливаться. Но представляется важным обратить внимание на один из таких подходов: деление всех «Прав Человека» на *позитивные* и *негативные*. Эта классификация, во-первых, хорошо иллюстрирует суть Прав Человека, их

природу; и, во-вторых, помогает понять стратегию действий правозащитников: как те правозащитники, кто работает в гражданском и в государственном секторе, должны относиться к нарушениям разных типов прав человека.

(1) *Негативные права*, или СВОБОДЫ – это такие права, для реализации которых государство ничего (или почти ничего) *НЕ* должно *делать*. И, например, если говорить о праве на жизнь как о свободе, то оно не означает, что государство обязано поддерживать нашу жизнь «на достойном уровне» всеми средствами, оно означает, что государство просто не должно убивать нас, *лишать* нас жизни. Но это негативное право содержит в себе *позитивную компоненту*: если так получилось, что государство отняло у человека жизнь при каких-то непредвиденных условиях, то оно должно сделать две вещи – выплатить компенсацию родственникам и провести эффективное расследование (наказать виновных). Жизнь вернуть оно уже не может, но, тем не менее, оно должно осуществить некие *позитивные* действия. Свобода от пыток (3-я статья Европейской Конвенции) означает, что, когда мы попадаем в полицейский участок, государство просто должно не пытаться нас, не бить, не издеваться над нами. Чтобы у нас была свобода переписки, государство просто должно не читать наши письма и не вскрывать конверты (если на то нет оснований, данных судом, например, когда человек находится под подозрением в совершении терактов). Многие свободы и права могут быть ограничены при определенных, *жестко установленных и законных*, условиях, но есть ряд свобод, которые не могут быть ограничены никогда – свобода от пыток и свобода от рабства, свобода вероисповедания и некоторые другие.

(2) *Позитивные права*, или просто ПРАВА – те, для реализации которых государство должно много *сделать*, которые требуют серьезных материальных и административных ресурсов. Например, право на справедливый (а значит – независимый, компетентный и т.п.) суд (ст. 6 Европейской Конвенции) предполагает множество вещей – высокую зарплату судей (для их независимости), оборудование зданий судов, обеспечение всех судей правовой базой (например, всеми решениями Европейского Суда), систему обучения и профессиональной аттестации судей и т.п. И это – *позитивная обязанность* государства. Государство должно сделать так, чтобы суды существовали в достаточном количестве и эффективно работали. Ведь суд в мировой практике считается важнейшим механизмом защиты любых прав, в том числе – человека по отношению к государству, а значит, и Прав Человека. Очевидно, что, если нет *права на защиту* (например, нормально не работают суды и к ним нет доверия), то невозможно реализовать и *все остальные права*. И тогда Права Человека остаются всего лишь записанными на бумаге благими пожеланиями. Суд – это главная, хоть и государственная, но в то же время *независимая* институция. Например, в англосаксонской системе судебная власть считается независимой настолько, что ни для кого не удивительны ее многочисленные решения, принимаемые в пользу отдельного человека, а не власти. И если говорить о позитивном праве на защиту в целом, то 13-я статья Европейской Конвенции «Право на эффективные средства правовой защиты» предполагает эффективную работу иных правовых институтов: прокуратуры, которая должна защищать права человека, а не наоборот; Омбудсмана, «защитника народа»; эффективных и компетентных правоохранительных органов, которые должны стоять на страже прав и свобод человека, а не корпоративных интересов, и т.д.

(3) Позитивные права и свободы, перечисленные в большинстве международных документов и национальных Конституциях – это международные стандарты, а все остальное – это *внутреннее дело государств* или *задачи государства*. Задачи государства не относятся к «фундаментальным» Правам Человека, и надо четко различать Права Человека (позитивные и негативные) и задачи государства. Например, типичная задача государства – чтобы у всех граждан было высокое благосостояние. Или «право на хорошее жилье» на самом деле тоже не «право» (в смысле Прав Человека), но задача государства. А вот право на «неприкосновенность жилища» – это право, причем, негативное право – свобода! Ни один

международный суд, к сожалению, не признает нарушением Прав Человека, если у гражданина нет своей квартиры в собственности. Но если у человека чиновники отобрали квартиру, незаконно вторгшись в его жилище, то это – нарушение Прав Человека. Еще один пример: свобода вероисповедания – это негативное право, государство должно не вмешиваться в эту сферу, но мы не можем потребовать от него, чтобы оно строило для какой-то новой конфессии, состоящей из 20-ти человек, храмы, – это уже возможная «задача государства», причем не факт, что государство захочет на себя такую задачу взять. Но и в этой свободе, как всегда, есть позитивная компонента – например, даже в тюрьме государство должно предоставить возможность отправлять религиозные обряды в соответствии с верой человека, и это может предполагать доступ к нему священника и т.п.

Права Человека защищены *международными документами* (конвенциями, пактами и т. п.), а реализация задач государства зависит от самого государства, т.е. во многом от избранного нами правительства. И часто мы не можем подать в суд на государство за то, что оно не выполняет своих задач (особенно, если такие задачи не отражены в принятых государством национальных законах). С такими ситуациями можно и нужно бороться либо с помощью общественных кампаний («действий в защиту общественных интересов»), либо политическими методами, а именно: при периодической смене власти через выборы избирать другую власть, которая будет лучше справляться со своими задачами, но эта работа лежит во многом уже вне сферы «чистой правозащиты».

Возвращаясь чуточку назад, к негативным и позитивным правам, хочется обратить внимание на следующее: власть часто говорит, что в самих международных документах (или конституциях) права и свободы никак не различаются, они одинаково важны, одинаково обязательны к исполнению, а значит, «если мы не можем сейчас обеспечить всех доступным и качественным образованием, то и пытаться мы иногда тоже будем». Но здесь и должна проявиться наша принципиальная позиция, наша правозащитная (гражданская) стратегия: несмотря на то, что государство не всегда в состоянии обеспечить соблюдение позитивных прав, оно всегда обязано соблюдать наши негативные права, потому что для их соблюдения требуется, как правило, исключительно политическая воля. А вовсе не значительные материальные ресурсы. И здесь мы (как граждане) готовы выдвигать самые жесткие требования. А что касается позитивных прав, то тут нужно много работать, и здесь правозащитники (и граждане!) должны быть готовы эффективно с властью сотрудничать, помогая ей: мы понимаем, что это требует времени и ресурсов, и мы готовы работать и содействовать постепенному (но все-таки неуклонному и не слишком медленному!) улучшению ситуации.

В этом смысле, мне кажется, что разумные правозащитники стоят на следующих принципах. Негативные права – это святое, и мы не терпим, когда власть их нарушает. Т.е. здесь мы жесткие и бескомпромиссные. Негативные права должны всегда и везде соблюдаться.

По поводу позитивных прав – мы понимаем, что с завтрашнего дня и в полном объеме осуществить это будет невозможно. Мы готовы вести переговоры и, более того, помогать власти.

Здесь важно не то, что негативные и позитивные права различны «по статусу» – юридически одинаковы, а в том, что наше отношение к ним и к нарушению этих прав различное.

3. Права Человека как фундаментальные права. Стандарты Прав Человека. «Поколения Прав Человека».

Мы уже не раз упоминали, что Права Человека – это не только и не столько национальные правовые нормы, записанные в Конституциях, сколько права и свободы, записанные в международных документах. О международных стандартах прав человека мы уже немножко говорили раньше, когда рассматривали вопрос о защите человека от любой власти, защите меньшинства от большинства, о том, что «права человека» были «придуманы» именно как международный механизм для того, чтобы власть (в том числе – власть большинства) не могла совершать насилие над отдельно взятой личностью (без вмешательства международного сообщества). И еще мы рассматривали принципиально важный вопрос о том, что права человека в современном понимании – это, прежде всего, вопрос четких стандартов.

Даже в сфере так называемых *социальных прав*, многие из которых сейчас признаны такими же «правами человека», как и *политические и гражданские права*, есть тенденция к установлению подобных «универсальных стандартов».

Мы все время говорим *об универсальных стандартах*. И это означает, что практически по каждому вопросу, связанному с правами человека, существуют не только статьи Европейской конвенции и, например, Международного пакта о гражданских и политических правах, но и четко определенные *развернутые стандарты* – толкования, пояснения, уточнения, что эти положения означают. Для Европейской системы защиты прав человека это – резолюции, рекомендации и другие документы различных органов Совета Европы и, прежде всего, безусловно, *решения Европейского суда по правам человека*. Для ООН (Организации Объединенных Наций) это рекомендации Комиссии по правам человека, рекомендации Комитета по правам человека и т.п. Например, уже есть достаточно четкие стандарты того, *что* такое позитивное право на эффективную защиту, что должно государство по этому поводу сделать. Или *что* означает право человека на справедливый суд и как оно связано со сроками (*с быстротой*) судебного разбирательства. Такие стандарты меняются, но они меняются универсально (то есть – для всех стран). И если, например, Европейским судом признано, что долгое разбирательство – это 5-7 лет, то в какой бы стране Совета Европы ни происходила тяжба более 7 лет (Турция, Россия, Венгрия или любая другая страна), будет применяться этот стандарт. Хотя многим известно, что в России и во многих других странах право *непрецедентное* (судебное решение, принятое в одном суде, необязательно для решения соседнего суда, более того, даже Верховный суд может вынести по сходным делам разные решения), *решения Европейского суда* в каком-то смысле *носят прецедентный характер* (то есть по следующему подобному делу – из какой бы страны оно ни было – решение будет сходным). В соответствии с Конвенцией, принятой и ратифицированной всеми странами Совета Европы, решения Европейского суда должны подлежать немедленному применению и внедрению в каждой стране, причем – комплексному внедрению: и с точки зрения изменения законов (если национальные законы противоречат новым стандартам, определенным Европейским судом), и с точки зрения применения этих законов. Если раньше, например, по вопросам о пытках в полиции человек должен был хотя бы минимально доказать факт того, что он подвергнулся какому-то насильственному воздействию, то по последним делам Европейский суд установил, что вся обязанность доказывать, что человека *не* пытали, лежит на органах власти. Т.е. если власть не в состоянии этого доказать, причем доказать не при помощи других полицейских или сокамерников, а при помощи независимых и объективных фактов, то автоматически, даже если человек сам нанес себе ранения, это будет признано «пыткой в полиции». И теперь такой стандарт должен применяться на всей территории стран – участников Совета Европы. Точно так же многие

другие стандарты потихоньку меняются, меняются в сторону улучшения защиты прав людей (а не защиты интересов властей и государств!) – становятся жестче, понятнее, четче. Поэтому так важно, чтобы каждый судья, каждый сотрудник государственного органа по защите прав человека, прокуратуры, комиссий по правам человека, аппаратов омбудсманов имел полный классификатор решений Европейского суда.

Если говорить о *«поколениях»* прав человека, то это довольно сложная, отчасти философская тема, потому что, например, по-прежнему Европейский суд и Комитет ООН по правам человека работают, прежде всего, с так называемым *первым поколением прав* – гражданскими и политическими правами (многие из них как раз и называют *фундаментальными*). Но есть еще так называемые *второе поколение прав* – социальные, экономические и культурные права, и *третье поколение* – экологические и коллективные права и ряд других прав. Многие международные общепризнанные инстанции стараются не работать со вторым и третьим поколением Прав Человека. И вовсе не потому, что считают их менее значимыми! Дело в том, что социальные права, как никакие другие, очень сильно зависят от благосостояния государства (а значит – у разных стран есть разные возможности для их реализации). Понятно, что, например, определение «достойного жилища» или «достойной зарплаты за равный труд» – это очень сложный вопрос, поскольку *за одну и ту же работу* в Великобритании и в Венгрии (а тем более – в Армении) люди получают *разную зарплату*.

Здесь-то и кроется самый сложный момент, подрывающий стандарты прав человека. Есть две потенциальных возможности.

1) Или признать, что если для *социальных прав* нельзя установить стандартов, а они – *такие же*, как и *фундаментальные*, гражданские и политические, то стандартов не существует вообще, – но тогда любое государство начнет само устанавливать свою собственную норму нарушений Прав Человека и подрывается сам принцип, что Права Человека – это международный щит, инструмент, призванный защитить угнетаемое меньшинство или отдельного человека от всевластного большинства (и самого государства).

2) Или признать, что эти права, хоть и в каком-то смысле *одинаково важные*, но имеют *разные особенности*, и тогда пока отказаться от «жестких стандартов» для них и подумать о том, как их тоже постепенно унифицировать.

Поэтому сейчас наблюдается либо тенденция к стандартизации социальных прав, либо относительно социальных прав выносятся только общие рекомендации.

Например, право на образование предполагает некое минимальное количество классов, которые человек может бесплатно закончить в государственных образовательных учреждениях – и здесь, если не говорить о качестве образования, стандарты понятны и естественны. Если же говорить о *трудовых правах*, то речь идет, прежде всего, не о зарплате, а о *праве создавать профсоюзы, вступать в коллективные переговоры, получать эффективную правовую защиту* и т.п. – то есть снова о вещах, где можно определить четкие стандарты. Это очень понятные критерии, однозначные стандарты, и уже нет такой размытости, как в вопросах, что такое «хорошая зарплата» или «достойная пенсия». Именно потому, что в сфере многих прав второго поколения нет (пока нет!) признанных международных стандартов, нет и вопроса для правового рассмотрения (в Европейском суде или подобных международных инстанциях). Здесь речь может идти скорее о восстановлении справедливости, чем о четком правовом рассмотрении вопроса.

Если мы являемся практиками и хотим использовать *Права Человека* как *механизм*, нас, в первую очередь, интересуют *стандарты* Прав Человека и *первое поколение прав* (или, если хотите, – *фундаментальные права*). Если мы философы и теоретики, то мы, конечно, можем рассуждать о том, что Права Человека должны дальше развиваться и распространяться *как всеобщая идея о справедливости*, идея о праве на защиту от любых несправедливостей, важная для каждого человека. Хотелось бы обратить внимание еще раз на то, почему

важнейшими, *фундаментальными Правами Человека* считаются права человека первого поколения. Дело в том, что, если не будет существовать прав первого поколения, перестанут существовать и остальные права. У нас во многих бывших социалистических странах постоянно речь шла о социальных правах и очень редко – о политических и гражданских. Считалось, что это как раз завоевание социалистического общества. К сожалению, это было совершеннейшим абсурдом, потому что для того, чтобы человек мог защитить свое право на получение зарплаты (если он подписал контракт с работодателем) в суде, должны существовать независимые суды. Для того, чтобы человек мог отстаивать свое право на высокие пенсии, у него должно быть *право об этом писать, говорить, выйти на митинг*. Для этого у него должно быть соответствующее право: *свобода слова и свобода собраний*. Для того, чтобы рабочий мог вступить в переговоры с работодателем, должна быть *свобода ассоциаций* и т.д. Каждый раз, когда мы говорим о последующем поколении, оно не может существовать, если нет этих первых 20-30 фундаментальных прав. Только опираясь на «права первого поколения», можно эффективно и мирно отстаивать общественные интересы, которые мы в одной из предыдущих глав называли задачами государства. Если в какой-то стране прав первого поколения не существует, – мы выходим на митинг, его разгоняют, всех сажают за решетку, кого-то избивают, – то никто не может себя защитить: нет правовых возможностей защищать свои права и права других людей (причем – права «всех поколений»). Это то, что мы наблюдали в 1940-50-е годы в Советском Союзе (во времена ГУЛАГа), – люди были абсолютно бесправны. Поэтому во многих подходах к Правам Человека на международном уровне важнейшая роль отдается проблеме соблюдения именно фундаментальных Прав Человека – прав первого поколения.

Часть Вторая

Базовые понятия Прав Человека

Предисловие ко Второй Части

Текст этой Части – очень близкое к первоначальным тезисам изложение отдельных эпизодов известнейших лекций Марека Новицкого.

В некоторых местах мы даже постарались сохранить многие особенности его стиля и речи.

А наше авторское вмешательство мы постарались сделать минимальным, хотя некоторые главы и не могли не дополнить нашими соображениями.

IV. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО, СВОБОДА, РАВЕНСТВО

1. Достоинство

При построении многих наук сперва стараются брать некие «базовые» понятия, которым практически нельзя дать строго определения или, тем более, вывести из каких-то других понятий, но которые можно как-то описать. А потом уже из этих «базовых» понятий выводят все остальные определения, аксиомы, постулаты, теоремы, логические цепочки и т.д. Так, в математике (в геометрии) все начинается с введения таких понятий, как точка, прямая и т.п. Концепция Прав Человека также строится на различных понятиях. И здесь есть несколько подходов.

В восточно-европейской модели социальной философии принято подходить к «Правам Человека» через понятие «естественных прав». Возможно, этот подход достаточно конструктивен, но при этом важно понимать, что говоря о «естественных» («натуральных», «природных») правах, мы имеем ввиду не то, что они «сами собой встроены в природу», а то, что *люди договорились* считать их «естественными», теми, которыми *должен обладать* человек (если, конечно, не считать права частью религиозной системы, но это уже совершенно иной подход), – так, крокодил понятия не имеет о моем «естественном праве на жизнь» и может меня скушать... Впрочем, это – тема для отдельной книги.

В западной модели социальной философии систему Прав Человека нередко выводят из базового понятия «Достоинство».

Достоинство может быть разным.

Есть «личное достоинство» – это «величина переменная», это то, что есть у каждого из нас, то, что меняется в процессе нашей жизни и близко к понятию чести. Оно зависит от того, достойно или безобразно мы себя ведем, мудры мы или глупы, какова наша социальная роль, наш статус и т.п. Более того – все эти оценки довольно субъективны.

Но «Человеческое Достоинство» – величина постоянная, это то самое «базовое» понятие. Любой человек, вне зависимости от своих личных качеств, достоинств и недостатков, плохих или хороших поступков, обладает *Человеческим Достоинством*, потому что он *человек*. Если вы верующий, для вас могут быть важны слова Фомы Аквинского: «Люди, созданные по образу и подобию Бога, носят в себе частицу Творца». Если же Вы атеист, для Вас, быть может, будет важен аргумент абсолютной неповторимости каждого человека: «Никогда не было и не будет среди людей такого человека, как ты».

Именно «человеческое достоинство» в рамках этой модели дает каждому человеку (хорошему и плохому, порядочному и преступнику, инвалиду и здоровому) «изначальное право» на обладание Правами Человека – по отношению ко вторичным объектам (государству, власти, социуму, работодателю).

Считается, что самыми сильными угрозами Человеческому Достоинству являются покушения на Свободу и Равенство...

2. Свобода

Если оставить в стороне тонны философских книг и остановиться лишь на проблеме свободы, связанной с человеческим достоинством и Правами Человека, можно очень условно выделить два «крайних» подхода – «европейский» и «американский».

Во многих странах Европы «свобода» часто понималась как «право на благополучие» и считалось, что государство просто-таки должно эту свободу обеспечивать. Считается также, что эта «свобода» должна быть выражена в материальных ценностях. Этот принцип нашел отражение во многих европейских Конституциях – право на жилище, на работу и т.д.

В «старой» Америке (США) была принята несколько иная модель: «Свобода» – как «независимость и ответственность». Это, в первую очередь, НЕ-вмешательство государства в личные дела человека. Это государство как институт было создано переселенцами из Европы

сперва только для защиты от внешних и внутренних врагов, и первыми общими и государственными институтами были армия и институт шерифов и судей. Этим людям поначалу не были нужны социальные гарантии и социальная защита – наверное, это особенности психологии искателей приключений – им, прежде всего, была нужна *свобода как независимость*. «Моя Свобода заканчивается у кончика носа другого человека. Она широка, но она там заканчивается. И возле кончика моего носа заканчивается свобода других людей и моего государства. Здесь начинается *моя свобода* и никто здесь мне не указ».

«Американская Свобода» (концепция «старого американца») – это полная ответственность за все свои поступки. Хочешь идти работать – иди работай, хочешь умирать под забором – умирай. Никому нет до тебя дела. Это концепция «водителя в машине» – куда хочет, туда и едет. Если он разобьется, то он сам будет отвечать, и никто ему не даст никаких гарантий.

«Европейская Свобода» – это свобода «пассажира хорошего железнодорожного вагона»: очень много хороших железных дорог, очень много локомотивов, очень много разных поездов, но тебя все равно куда-то везут. Ты можешь на станции сойти, повернуть, пересест в другой вагон – но это все равно «свобода вагона»... Зато, у тебя есть некие страховки... И возможность пожаловаться на плохое обслуживание, скорость поезда и т.д. и т.п.

В этом смысле в Европе существуют два своеобразных полюса: Швеция и Нидерланды.

В Швеции существует «сильная» система защиты социальных гарантий человека, действующих иногда помимо его воли. К примеру, там есть целая программа по работе с алкоголиками. Ты не можешь просто так у себя дома пить водку. Если ты при этом раздражаешь (даже не обижаешь – а всего лишь раздражаешь) своих ближних, тебя обязательно поместят в лечебницу и будут принудительно лечить. Ты не можешь валяться под забором, – тебя заберут в соответствующую службу, и ты насильственно пройдешь курс лечения. Государство вообще очень сильно заботится о своих гражданах, и иногда человек не в состоянии быть сам себе хозяином.

В Нидерландах ситуация совершенно иная (хоть все-таки «европейская»). Хочешь жить под забором – живи, хочешь курить «травку» – кури (правда, не сильную!), хочешь заниматься проституцией – покупай лицензию и вперед и т.п. Государство дает тебе все возможности чувствовать себя почти свободным. При этом, если ты живешь под забором, обязательно существуют различные службы – общественные, государственные, – представители которых к тебе подъедут, спросят, как ты себя чувствуешь, не хочешь ли пройти курс реабилитации. Если не хочешь, то извинятся за беспокойство («Простите, Вы сидели, газету рваную читали, а мы Вас побеспокоили»), оставят визитку и уедут. А потом, через некоторое время, снова вернуться.

Впрочем, в Нидерландах тоже есть постепенная тенденция в некоторых вопросах двигаться в сторону Швеции, а в Швеции – наоборот.

3. Равенство

Существует несколько основных концепций равенства:

- равенство условий жизни;
- равенство шансов;
- равенство прав и свобод;
- полное равенство прав всех людей.

Попробуем чуточку подробнее остановиться на каждой концепции.

(1). **Равенство жизни** («тоталитарно-утопическая» модель) – равенство, при котором все должны жить одинаково (все живут в одинаковых клетках, все имеют одинаковые вещи) – идеал худших моделей социализма. Это – равенство нищеты.

Типичный пример, когда люди в борьбе с коммунизмом тоже поддавались этому соблазну уравнивать всех: из агитации профсоюза «Солидарность» (Польша): «Мы не хотим их вешать

и сажать в тюрьмы. Мы просто хотим, чтобы они прожили той жизнью, которую устроили нам – автобусы, очереди, карточки и т.п.». Подобные призывы имели большой успех...

Основное возражение против этой модели: все люди – разные, одним нужны деньги, другим – земля для выращивания сада, третьим – интеллектуальная жизнь, четвертым – сильные эмоции и впечатления и т.д.

(2). **Равенство шансов** («социально-утопическая» модель) – каждый человек с рождения должен иметь равные шансы по сравнению с другими людьми. То главное – полностью ликвидировать институт наследования больших ценностей. «Почему я должен иметь меньше шансов, чем мой сверстник, который, может быть, даже намного глупее меня, но у которого папа – «новый русский»? Мы все рождаемся одинаковыми, почему тогда изначально у нас такие разные шансы?»

Это – концепция равенства стартовых условий.

Эта концепция, тем не менее – к сожалению или счастью – не была принята обществом, так как она полностью противоречит идее о преемственности поколений. Можно задать такой вопрос: «А почему, собственно, если у него отец всю жизнь пил, а мой отец и дед всю жизнь работали, построили крепкий дом, заработали мне будущее, – у меня это все должно отобрать, и почему он должен иметь те же шансы, что и я?». То есть наличие равенства шансов предполагает, что человек не будет работать на будущее своих потомков, а лишь на абстрактное «светлое будущее грядущих поколений». Он не сможет передать ничего своим детям. Для многих теряется смысл жизни по отношению к детям – человек не может им передать ничего материального и иногда довольно ценного не только в узко материальном смысле.

(3). **Равенство Прав и Свобод** – («правозащитная», или так называемая «либеральная» модель) – все люди равны перед лицом государства и закона.

Равенство в этом случае складывается из следующих составляющих:

- 1) равенство всех людей перед лицом закона (даже если это «плохие» законы, их должны соблюдать все: от лорда до бродяги) как элемент «правового государства»;
- 2) равное отношение ко всем со стороны власти (это – отсутствие сословного государства) – не должно быть людей, по отношению к которым принимаются особые законы или которые имеют особые привилегии в силу неких произвольных причин;
- 3) запрет на дискриминацию человека со стороны государства.

На вопросе «дискриминации» можно остановиться чуточку подробнее, потому что эта тема очень важна с точки зрения Прав Человека.

Дискриминация – это ограничение, накладываемое на человека как на личность, а не на социальный вид его действий. Как правило, происходит ущемление группы людей по какому-то признаку, который человек не может сменить как перчатки (цвет кожи, запись в паспорте, вероисповедание) – он не может изменить этот признак, как вид своих действий. И одновременно дискриминация связана с некорректным и произвольным ограничением по признаку, не имеющему прямого отношения к существу этого самого ограничения.

Пример дискриминации: ограничить количество татар в органах власти или запретить буддистам свободно ходить по улицам. При этом запрет на прогулки по улицам людей с нацистской символикой, безусловно, дискриминацией не является.

Когда мы говорим о запрете дискриминации – мы имеем в виду, что необходим запрет на различное отношение со стороны властей к людям, которые по данной существенной характеристике одинаковы (право на образование вне зависимости от цвета кожи, право на эффективную правовую защиту вне зависимости от вероисповедания, пола или наличия семейных связей с человеком, осуществившим насилие).

Отсутствие дискриминации – это очень сложный момент. Когда мы говорим о запрете на дискриминацию, очень важно увидеть вытекающий отсюда принцип отношения к людям: к *одинаковым* по каким-то признакам как к *равным*, а к *различающимся* по некоторым признакам как к *разным*. Ведь эти признаки могут быть весьма существенными. Если речь идет о поступлении на тяжелую физическую работу, то к мужчине и женщине не надо относиться как к равным – у женщины другой организм (мы не говорим: «хуже» или «лучше», мы говорим: «другой»). Это и есть так называемая «обоснованная дискриминация». Но если речь идет о праве на жизнь, то мужчина и женщина равны в своих правах. При получении удостоверения на вождение автомашины у слепого и хорошо видящего, к сожалению или счастью, возможности, мягко говоря, различны. А вот в праве на свободу от пыток и жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения – эти люди равны.

Нередко на этом пункте и останавливаются в современной теории Прав Человека.

Впрочем, есть и еще один – четвертый – пункт в модели равенства прав и свобод:

(4). **Равенство прав всех людей** (как переход от собственно «правозащитно-либеральной» к «ультра-либертарной» модели).

Такой подход сводится к тому, что «равенство» предполагает полное и абсолютное равенство всех прав в прямом смысле этого слова, – то есть если речь идет о полном равенстве прав для всех, то «все права во всех случаях должны быть равны, и никаких исключений быть не может». Например, если некоторые феминистки требуют полного равенства прав мужчины и женщины, тогда это должно означать, что мужчина должен иметь право рожать детей. Не должно быть никаких запретов на профессию для женщин, даже для самых тяжелых работ, несущих угрозу репродуктивным способностям, и даже во время беременности. Для них не должно быть освобождения от службы в армии и т. п.

В таком элементе равенстве есть, конечно, очень интересные, но в то же время весьма спорные моменты.

Таким образом, как правило, когда говорят про равенство прав и свобод, то предполагают равенство перед законом, равенство отношения к человеку со стороны власти и останавливаются на уровне запрета на дискриминацию. А вот следующий шаг – «полное равенство прав» – это новый, весьма сложный и неоднозначный элемент развития концепции Прав Человека, который многие пока считают опасным...

V. ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ – обмен правами и свободами

Существует три основных типа отношений человека и власти, три подхода с точки зрения делегирования прав и свобод.

1. Добрый властелин по милости своей дарует подданным права и свободы. Примеры – средневековая Англия, тоталитарные режимы, многие восточные монархии: «Наша Конституция дарована нам властью, мы не добивались ее с оружием в руках. И если кто-то захочет сделать что-то неудобное власти, то она может и забрать свой подарочек назад – она имеет на это право...»

2. Права и свободы – не подарок, а результат общественного Договора (идеи французской революции и ряда европейских мыслителей XVIII-XIX веков): «В ходе переговоров между властью и гражданами и исходя из общего блага, власть и граждане должны заключить некий общественный договор, где определялись бы права власти и права граждан (в том числе – Права Человека) – власть обязуется предоставить гражданам какие-то важные социальные услуги и хочет за это распоряжаться определенной сферой прав и свобод, а граждане тоже обязуются что-то делать для власти и в чем-то подчиняться ей, но за это получают некие социальные услуги и гарантии».

3. Каждому человеку от рождения принадлежат определенные права и свободы, вытекающие из его Достоинства. И человек передает власти только те права, которыми он готов поделиться ради общего блага – то есть соблюдения прав и свобод других людей. Власть в этой модели является слугой общества (и ограничена во всем, где ей прав не дали). Здесь речь идет об очень рациональной модели власти как нанятого менеджера или, если хотите, служанки: ей платят определенные налоги и, соответственно, позволяют влезать в определенные сферы (уступают какую-то часть прав и свобод), а она обязуется строго выполнять контракт, исполнять все, что ей велено и (очень важно!) не влезать туда, куда влезать ей не поручали. И если служанка плохо работает, везде разводит грязь, да еще и заглядывает в тумбочку к хозяевам, куда ей залезать не разрешали, то ее выгоняют, и – нанимают новую, за которой присматривают уже более сурово.

Здесь же возникает очень важная правовая концепция: человеку разрешено ВСЕ, что не запрещено законом, а власти – запрещено все, что не разрешено законом, или – разрешено ТОЛЬКО ТО, что напрямую разрешено законом (то есть власть не может сама себе произвольно добавить полномочий – она должна действовать исключительно в рамках, установленных для нее людьми).

Таким образом, можно выделить три базовых подхода:

- 1) права, даруемые властью,
- 2) права, получаемые в результате переговоров с властью,
- 3) права, принадлежащие людям изначально (и – власть, получающая разрешение действовать, и некие полномочия – уже от людей, не имея изначально ничего).

Третий подход для нас, правозащитников, безусловно, самый приемлемый. Он является результатом осознания человеком своего Достоинства.

VI. ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО (ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА) / RULE OF LAW

Очень часто путают концепцию «правового государства» с концепцией «современного демократического государства». Возможно, это даже не плохо, что некоторые современные теории права включают в понятие «правового государства» чуть ли не весь набор признаков, свойственных современному государству, где «торжествуют Права Человека», но для нас иногда важно увидеть природу концепции «правового государства», то, что имелось в виду в самом начале, чтобы понять, как это можно использовать для дальнейшего развития этой концепции и, в конечном счете, для более эффективной защиты Прав Человека.

«Правовое государство» – это, «в чистом виде», государство, где царствуют законы, причем не важно, хорошие или плохие. И что самое главное – человек в таком государстве может предсказать последствия любых действий, он может прогнозировать свою жизнь: если он нарушает закон, то садится в тюрьму, а если не нарушает закон – остается на свободе.

Классический пример. В правовом государстве: человек выходит на несанкционированный митинг – он знает, что за это ему полагается штраф или несколько часов или суток ареста. Он выходит на митинг, его сажают в тюрьму. Он сидит свои несколько часов или суток, и его отпускают. Таким образом, выбор – сидеть или не сидеть – это его собственный выбор. А что происходило, допустим, в каком-нибудь «социалистическом» государстве 1970-х? Выходят шесть человек на демонстрацию с лозунгами: «Да здравствует наша Конституция! Да здравствуют Права Человека!», милиция их забирает. Одного сразу отпускают, потом выпускают еще троих. Затем сажают еще одиннадцать, причем, не имеющих никакого отношения к этой самой акции. Все одиннадцать «новеньких» плюс двое из первой группы сидят. Никто не понимает, кого за что взяли, кого и почему выпустили. Многие чувствуют, что их тоже могут в любой момент посадить, и они не будут знать, за что («Был бы человек, а статья найдется»). И всем страшно. Это и есть НЕправовое государство. Человек здесь не может предсказать, что с ним произойдет завтра.

Другой пример – как Махатма Ганди разрушил «государственное устройство» в Британской колонии – в Индии. Когда Ганди приехал в Индию, там было вполне правовое (но достаточно несправедливое!) государство с английскими законами, которые довольно строго исполнялись всеми гражданами. Ганди начал борьбу за независимость своей Родины, но он отлично понимал, что если он выйдет на площадь и будет требовать независимости для Индии, его просто предадут суду, и он ничего не добьется. Тогда Ганди начал пробивать бреши в государственном устройстве, причем, он решил это делать с помощью самого государства(!), используя то, что оно вроде бы «правовое» (Ганди начал применять принцип борьбы Айкидо – использование энергии противника – так как считал это самым эффективным способом борьбы с властью, если у власти много силы, а люди не столь сильны, да еще и *принципиально* не хотят применять насилие!).

В Индии существовала монополия на соль: ее могли варить только государственные британские имперские мануфактуры. Рассказ, который мы приводим ниже, достаточно далек от настоящей истории «Великого соляного похода», но именно в таком виде он очень кратко и схематично воспроизводит главные моменты этой удивительной исторической драмы.

«Однажды Ганди вышел на берег океана и начал собственноручно варить (выпаривать) соль. К нему подошел полисмен и спросил: «Что Вы здесь делаете?». «Варю соль», – ответил Ганди. «Это незаконно, я должен арестовать Вас». «Прекрасно», – ответил Ганди и пошел в тюрьму. На следующий день на это же место пришли 10 индусов и начали варить соль; их тоже посадили – ведь они нарушили закон. На следующее утро варить соль вышли 100 индийцев, и их арестовали. Потом вышли 1000 индусов... Британские власти поняли, что если завтра выйдут 10 000 индусов, то во всей огромной Британской империи просто не хватит тюрем, чтобы всех посадить за это «преступление». Но ведь государство-то было

правовым – то есть за нарушение закона власти обязаны были сажать. Не сажать нельзя... Перед властями встала дилемма: либо не сажать за нарушение этого закона (но тогда почему нужно наказывать за нарушение других законов – то есть начинается разрушаться самый принцип господства закона), либо – отменять закон... Пришлось отменить закон. Это произошло достаточно быстро, всего за несколько месяцев. Потом то же самое повторилось с монополией на ткацкое производство, потом еще и еще... Результат – независимость Индии».

Третий пример – Мартин Лютер Кинг и борьба за гражданские права чернокожего населения в США в 1950-х-1960-х годах. Фактически для отмены несправедливых расистских законов в целом ряде южных штатов он применил метод Ганди, считая его своим учителем. Его активисты сознательно нарушали несправедливые законы и отправлялись в тюрьму, тем самым еще раз доказывая нелепость этих законов и вынуждая власти их отменить.

Но это возможно только в «правовом государстве», где сама власть уважает закон и где перед ней встает дилемма: сажать людей за нарушение несправедливого закона, вызывая всеобщее возмущение – и собственной и мировой общественности, или все же отменить этот закон.

Понятие «правовое государство» не тождественно понятию «Свобода и Демократия», а означает лишь, что человек всегда может предсказать, что с ним произойдет завтра.

Еще один пример – Польша 90-х годов: молодой человек решил купить машину за границей, пригнать и перепродать. Он покупает машину, подъезжает к границе и обнаруживает, что за время его отсутствия на родине поднялись таможенные тарифы, и его коммерческая операция становится убыточной. Он подает жалобу в конституционный суд, и суд принимает решение: «Да, власть имеет право повышать тарифы, но должна заранее предупреждать людей об этом. В данном случае государство должно компенсировать убытки».

То есть «правовое государство» – это, прежде всего, «правила игры», которые уважаются всеми сторонами и не меняются произвольно, а если и меняются, то все «игроки» об этом заранее предупреждаются...

Конечно, концепция «правового государства» с течением времени меняется. И учитывая ограниченность первоначального подхода к «власти закона» или «верховенству права», современные правоведы предлагают достаточно расширенное понимание «правового государства».

Вот один из примеров такого понимания:

«Правовым принято считать государство, которое во всей своей деятельности подчиняется праву и главной своей целью считает обеспечение прав и свобод человека. Правовое государство обладает рядом отличительных признаков:

- 1) признание человека высшей ценностью, а не средством решения тех или иных государственных проблем;*
- 2) признание, соблюдение, обеспечение и защита прав человека;*
- 3) верховенство права, в том числе законов;*
- 4) приоритет международного права, т.е. подчинение всех законов государства международным принципам и нормам, которые содержатся в международных нормативных актах;*

5) *верховенство Конституции по отношению ко всем остальным нормативным актам государства;*

6) *разделение властей (существует три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная);*

7) *независимость суда (это необходимое условие правового государства, ибо только независимый суд в состоянии эффективно защищать человека от действий исполнительной власти с ее силовыми структурами);*

8) *контроль общества за властью, – наиболее действенным способом являются регулярные, свободные, демократические выборы;*

9) *свободные средства массовой информации (СМИ), способные контролировать и критиковать и власть, и бизнес, и общественные структуры;*

10) *недопущение монополизма в политике и экономике;*

11) *взаимная ответственность человека и государства;*

12) *наличие развитого гражданского общества».*

Наверное, очень важно, что в части современной литературы взгляд на «правовое государство» именно такой, но для нас важно не забывать его «изначальную природу», которая не идеальна и ведет лишь к предсказуемости жизни в государстве с «верховенством права», а вовсе не ко всеобщему счастью и справедливости.

VII. НЕОТЪЕМЛЕМОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Когда мы говорим о «неотъемлемых правах», то мы имеем в виду, что достаточно большое количество прав и свобод у человека нельзя отобрать. Более того, он даже не может добровольно отказаться от них. Они вытекают из его Достоинства и принадлежат с момента рождения. Кстати, в большинстве международных документов по Правам Человека (и во многих Конституциях) очень четко оговаривается, какие Права Человека могут быть ограничены (а также – кем и при каких условиях), а какие – в принципе не могут быть ограничены никем и ничем, и являются «неотъемлемыми».

Например, это **право на личную свободу**.

Небольшая история: много лет назад в Европейском суде слушалось одно дело по поводу *трех бельгийских бродяг*. В свое время в Бельгии существовал запрет на бродяжничество. За это полагался определенный тюремный срок. И еще в Бельгии существует «полицейский суд» – для удобства самих «правонарушителей» (если вас арестовали за незаконный митинг, то во многих странах вас должны отвезти в городской суд, процесс может затянуться на несколько дней, – а в «полицейском суде», прямо в самом полицейском участке, на вас наложат небольшой штраф, и, если у нас нет никаких возражений, решение автоматически вступает в силу, – так что это не элемент «полицейского произвола», а институт для удобства граждан, – но дело не в этом суде...).

Итак, явились в полицейский участок трое бродяг и заявили: «Мы – бродяги, нарушаем закон – арестуйте нас». Полицейские их тут же быстренько осудили по законам «правового государства Бельгии» примерно на полгода лишения свободы. Через несколько месяцев бродяги обратились в Европейский Суд по поводу того, что их лишили свободы только по их просьбе – ведь реальным основанием было только их личное заявление. Во-первых, никто не может быть осужден просто на основании своих показаний: полицейские должны были провести расследование и доказать вину бродяг. Во-вторых, есть неотъемлемое право на свободу. Получилось так, что их лишили свободы, потому что они сами этого захотели.

Каково же было решение Европейского Суда по Правам Человека в Страсбурге? Эти люди выиграли дело и получили компенсацию порядка 20 000 долларов каждый... Открыли магазинчик в центре Брюсселя «и живут долго и счастливо», почти как в сказке.

Другое неотъемлемое право - **свобода от рабства**.

<рисунок>

Если какой-нибудь хитрый правозащитник приходит к девушке с официально подписанной и заверенной бумажкой и говорит: «Я навеки буду Вашим рабом: вот документ об этом, только будьте моей...», – не верьте: это провокация.

Человек не может добровольно отказаться от своих неотъемлемых прав. Такой подход, принятый международными стандартами защиты Прав Человека, является одной из мер безопасности – чтобы уберечь человека от возможного давления со стороны власти/государства. В этом случае государству нет смысла оказывать давление на человека (с целью добиться передачи от него государству каких-то прав), если человека все равно нельзя лишить этих самых неотъемлемых прав, даже по его собственному желанию.

И если ряд Прав Человека (таких, как, например, право на справедливый суд, или – свобода совести) действительно не может быть «ограничен» или «отнят», то есть и такие права, которые могут быть ограничены в соответствии с законом (например, право избирать и быть избранным может быть ограничено для людей, лишенных свободы по вступившему в силу приговору суда).

VIII. Проблемы ТЕРПИМОСТИ / ТОЛЕРАНТНОСТИ и Права Человека

Терпимость (или толерантность) – это согласие на то, чтобы кто-то вел себя не так, как вы считаете приемлемым, но при этом не нарушает общественного порядка или ваших прав и свобод. Это означает, что, если этот человек мне не нравится, и я могу изменить его поведение (например, применив силу), я тем не менее признаю его право быть таким, какой он есть, даже если мне это не слишком приятно. (Здесь, конечно, речь идет о том, что его поведение является для меня шокирующим, но НЕ нарушает моих прав и закона).

Пример. Если какой-то огромный человек, явно сильнее вас, делает что-то непотребное, что вам активно не нравится, а вы ничего не делаете и ничего ему не говорите, потому что понимаете, что не можете, ибо он слишком большой и сильный – может и стукнуть, то это не толерантность. Это трусость!

Если же мы проявляем терпимость к тем, кто НЕ сильнее нас, но не похож на нас – это и есть принцип толерантности.

Другой пример. Картины, обычные для западных городов: сидит чернокожий и ярко одетый человек на дереве посреди города и играет на саксофоне; или другой человек спокойно живет в какой-то коробке посреди площади, и никто не пытается отвести его в полицейский участок, никто не покушается на его Права и Свободы, вообще никто не показывает вид, что ему что-то не нравится.

Слово «толерантность» в последнее время стало очень модным. Абсолютно все «занимаются толерантностью», понимая под этим буквально все – от соблюдения прав и свобод человека до искреннего интереса и даже уважения к другим народам и культурам. Быть может, это даже хорошо. Но иногда нам не хватает не интереса или уважения – а именно *терпимости* к тому, что нам не очень нравится, но что мы готовы терпеть, понимая, что есть и другие точки зрения, есть и другие подходы к жизни, нежели наши.

Толерантность (терпимость) – это то, чего так сильно не хватает нашему обществу. Нам так недостает терпимости к чужому мнению, к тому, как человек выглядит, как он себя ведет, особенно, если это не укладывается в наше представление о том, «как правильно». В принципе – это следствие долгой жизни в «идеологическом» государстве, которое создает «идеальную» модель гражданина и насильно воспитывает всех по этому образу. Дело в том, что для того, чтобы испытывать интерес к чужим культурам, требуются одни качества (и очень важные!), а для того, чтобы признавать иную позицию и не пытаться любой ценой изменить ее или же приспособить к ней свою – вот для этого нужно настоящее мужество. Для этого нужно действительно освободиться от «детских комплексов» и стать «взрослым» и ответственным.

Декларация принципов толерантности «ЮНЕСКО» говорит, что «воспитание в духе толерантности начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав, и с поощрения стремления к защите прав других».

Пожалуй, это очень верно. Ибо основой для мужества терпеть то, что нам не очень нравится, но при этом не покушается на наши права и свободы, может служить только осознание Достоинства каждого человека, его права на индивидуальность и отличия, его свободы развиваться. Именно такое понимание толерантности дает правозащитникам силы защищать не только «тех, кто нравится», но и тех, кто по каким-то признакам может быть нам неприятен, но защищать кого все равно нужно, если, конечно, цель настоящих правозащитников – не помощь «своим и хорошим», а – торжество Справедливости.

Часть третья

Права Человека, правозащитники и каждый человек – перед вызовами современности

IX. Права Человека и политика (Мнимое сходство и базовые различия)

*«Мы каждый день занимаемся только политикой, и больше ничем.
И мы стараемся держаться как можно дальше от политики,
никогда не участвуем в ней!»*

Из выступления современного правозащитника

1. «Политика» и «Права Человека» – подходы и проблемы

Начнем с вопросов. Тех, что в последнее время стали особенно часто возникать – и в Новых Независимых Государствах» (в том числе – в России), и даже в «старых демократиях». Видимо, здесь есть какие-то очень принципиальные вещи, если в последние годы тема соотнесения «прав человека» и «политики» стала такой важной. Если само ее обсуждение приводит не только к идеологическим конфликтам, но к международным скандалам, изменению законов и влияет на работу всего гражданского общества во многих странах – а значит, отражается на жизни миллионов и миллионов обычных людей (не очень-то интересующихся политикой и не слишком хорошо представляющих, что такое «Права Человека», правда ли эти права у них есть и с чем их есть)...

Почему правозащитников упрекают в том, что они «занимаются политикой»?

Почему многие правозащитники не знают, что на это отвечать?

Почему политики часто используют правозащитную риторику?

Почему многие общественные действия правозащитников и акции политических организаций так похожи?

Почему все-таки важно отделять «гражданские и правозащитные действия» от «политической борьбы»?

От слова «политика» многих уже давно тошнит. Это плохо. Плохо, когда граждане считают эту сферу помойкой, куда порядочным людям не следует соваться. Это значит – еще не скоро сами граждане смогут участвовать в настоящей политике и действительно менять свои страны, не отдавая все на откуп узкой «политической элите». Впрочем, есть немало примеров, когда люди, совсем не интересующиеся политикой, вдруг «просыпаются» и говорят: «Хватит!», – и тогда они становятся активными участниками политических процессов. Но это – тема для отдельной большой книги...

Понятие «Права Человека» почему-то до сих пор (несмотря на все старания многих недоброжелателей) остается очень модным. И поэтому многие политические и околополитические силы (нередко – оппозиционные) именуют свои действия «правозащитными». Иногда – это просто дань моде и желание «примазаться» к сфере деятельности, завоевавшей своим бескорыстием и многолетним трудом серьезный авторитет в обществе. Иногда – желание все извратить. Иногда – просто недомыслие или откровенная глупость. Кто только ни называет себя «правозащитниками» или «гражданскими активистами» – от полунацистских групп до политических проходимцев, стремящихся ухватить кусок власти или деньги каких-нибудь фондов.

Даже часть самих правозащитников (особенно – работающих на региональном уровне) не всегда понимает фундаментальные различия между «гражданской деятельностью» и «политической борьбой». Иногда такие люди совершенно искренне не понимают этих различий и затрудняются определить, чем же они *на самом деле* хотят заниматься. Особенно часто это встречается у недавно созданных молодежных «общественных организаций».

Подход, который здесь хотелось бы представить, основан на трех утверждениях:

1) оба жанра – и «политическая борьба», и «гражданские действия» (в том числе – защита Прав Человека) – нужны и важны для современного («модернизированного») демократического государства, но именно как совершенно самостоятельные формы участия граждан в «овладении» государством («*Нация – это народ, овладевший государством*», – К. Дейч);

2) между ними есть принципиальное различие, прежде всего – в целях и, соответственно, в стратегиях и тактиках работы; более того, эти жанры не только не близки, но во многом совершенно *противоположны*;

3) смешение этих двух жанров ведет к весьма печальным последствиям – мы получаем и плохую защиту прав людей, и не очень внятную политическую деятельность.

Конечно, это не единственный подход к проблеме, но очень многие известные правозащитники – и Востока и Запада – придерживаются именно его. И именно он дает им возможность успешно действовать, защищая Права Человека и в своих странах, и на международном уровне.

2. Язык и Права Человека

Мой хороший друг, один из лидеров гражданской экологической сети «ГрОЗА», любит повторять афоризм: «Язык – это фашизм». Я с этим отчасти согласен. Потому что язык, действительно, определяет очень многие вещи. И нередко для изменения реальности необходимо изменить язык. Не отдельное понятие – а именно язык!

Приведу несколько примеров, связанных с Правами Человека.

Первый пример. Может быть, вы заметили (и это стало особенно актуально в последние лет пять-семь), что «правоохранительные органы» во многих странах (в том числе – в России) все чаще именуется «силовыми структурами». Между этими словами есть фундаментальная разница. Силовая структура – структура, которая с помощью силы должна защищать власть. Правоохранительные органы – органы, которые должны защищать право. Разница не просто есть, а она просто-таки принципиальная! Мне кажется, что чем чаще мы будем милицию называть силовой структурой, а не правоохранительным органом, тем больше она будет становиться именно такой структурой. Чем чаще мы будем им говорить, что они, на самом деле, *правоохранители*, тем чаще мы будем им напоминать о том, *зачем* они созданы, и что они, *на самом деле*, должны делать. Так и язык газет и ТВ, и наш повседневный язык напрямую влияют на работу отдельных институтов наших государств.

Второй пример. По поводу приспособленности некоторых других языков именно к сфере права и Прав Человека. Есть такое английское слово «*privacy*» («прайвеси»), которое в контексте Прав Человека на русский язык переводится как «право на неприкосновенность частной жизни» (многие правозащитники даже используют сокращение – ПНЧЖ!). Ну, не было на наших территориях, по большому счету, никогда такого права, не было такого института. Нет и слова...

Третий пример. Почти о том же.

Есть такое английское слово «advocacy» («эдвакаси»). Нам приходится переводить его как «Действия в защиту общественных интересов». Длинно? Тяжело? Там всего одно слово, а у нас пять.

Говорят, что у финских народов есть 40 слов, которые дают определение снега, а у нас – снег и снег... Так же и с терминологией в сфере права, Прав Человека и защиты общественных интересов...

Рано или поздно нам придется приспособливать и наш язык, и международную терминологию под наши реальности. Если мы хотим, чтобы гражданское общество стало сильным, общественные проблемы благодаря гражданским действиям решались быстро и эффективно, Права Человека стали бы реальностью, а право на неприкосновенность частной жизни уважалось бы и властью, и другими людьми.

Но «гражданский и правозащитный язык» – тема для отдельных исследований, книг и многолетней работы.

А что касается «политики» – то здесь мы тоже сталкиваемся с языковой проблемой. Употребляя одно и то же слово, мы порой имеем в виду совершенно разные, а иногда – почти противоположные вещи.

3. Права Человека и политика

Первое. Проблема терминологии.

Начать стоит с того, о чем мы говорили чуть выше. В русском языке (да и во многих других языках) одним словом «политика» называют очень разные вещи. В этом смысле английский язык точнее (видимо, он оказался более развит в общественно-политической сфере, в то время как русский – богат другими темами). В английском языке существует два термина: *POLICY* и *POLITICS*.

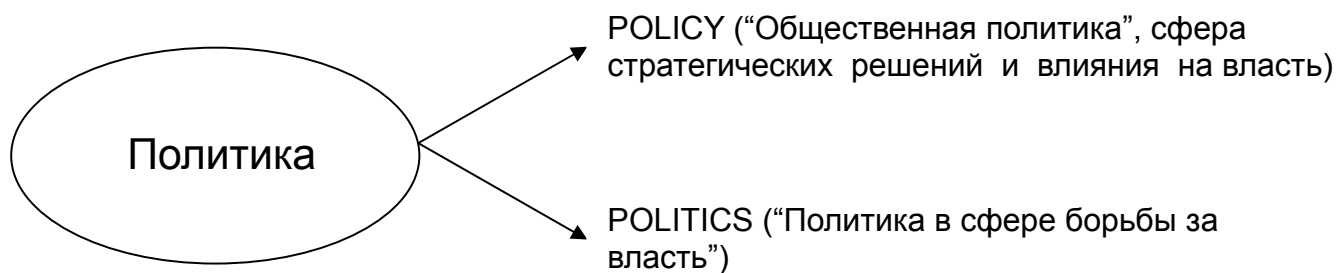


схема (5-а)

POLICY («полиси») – это то, что мы называем «**общественной политикой**». Это, если говорить точнее, не политика, а **стратегия** целенаправленных действий. В этом ряду мы часто говорим о *молодежной политике*, *социальной политике*, *правовой политике* и т.п. В этом смысле Права Человека являются такой же **общественной политикой**. Как стратегическая последовательность действий и «политическая воля» в направлении качественного и своевременного исполнения обязательств государства по защите Прав Человека в отношении своих граждан. Естественно, правозащитники постоянно вовлечены в эту самую «общественную политику».

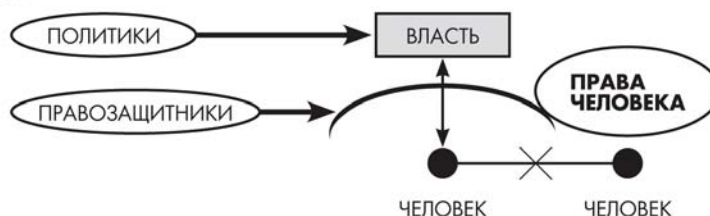
POLITICS («политикс») – это то, что называют сферой **борьбы за политическую власть** на каком-либо уровне. И вот как раз в той политике, что обозначается словом «politics», правозащитники не участвуют.

Например, защита права на свободные выборы и контроль за честностью выборов – это абсолютно правозащитная деятельность. Потому что это попытка заставить власть исполнять статьи национальной Конституции и Европейской конвенции по Правам Человека о честных и прозрачных выборах. Но это и общественная политика, направленная на восстановление доверия народа к институту выборов и реализацию права народа на участие в принятии жизненно важных решений. Здесь правозащитники не отстаивают интересы кого-либо из кандидатов или партий, а лишь – право народа участвовать в принятии решений, в том числе и при выборе власти.

Второе. Проблема целей.

Когда правозащитники и гражданские активисты проводят гражданские, общественные действия (акции, кампании, митинги) – «действия в защиту общественных интересов», – многие их шаги внешне очень похожи на политические акции. Более того – в процессе их акций и кампаний критика действий власти может быть очень жесткой. Но между гражданскими действиями и политическими мероприятиями есть принципиальное различие. Цель правозащитников и гражданских активистов – решать общественные проблемы, защищать права людей. Правозащитники как щит и – одновременно – как посредник-модератор всегда находятся *между* человеком и властью. И при любых действиях, даже достаточно жестко оппонировавших власти и критикующих ее, задача правозащитников и гражданских активистов – НЕ дискредитировать и НЕ захватить власть, *а защитить интересы народа и остаться на том же самом месте*, в роли щита и посредника-модератора (в технике «модератор» – это регулятор силы, скорости, интенсивности цепной реакции в атомном реакторе и т.п.). А значит – для системного решения общественной проблемы и защиты прав – им необходимо вступить с властью в *диалог*, начать с ней *взаимодействие*, и – именно в результате такого взаимодействия – добиться установления новых правил, новой системы, решающей проблему и определяющей более высокий уровень защиты прав.

СХЕМА 5-Б



Цель же политической оппозиции – подчеркнуть негативные стороны существующей власти и – *стать новой властью*, по большому счету – стать новыми нарушителями Прав Человека, потому что не существует власти, которая никогда бы не нарушала Права Человека (цель других политических сил – присоединиться к действующей власти, стать ее частью).

В этом смысле любой правозащитник должен четко понимать, что когда он выступает в защиту общественных интересов, власть никогда не должна являться врагом, она является только *оппонентом* и – *потенциальным партнером*. Потому что результатом любых действий в защиту общественных интересов является решение конкретной и важной для многих людей общественной проблемы. А любое «окончательное решение» (в виде нового закона, постановления или утверждения новой правоприменительной практики) все равно принимается легитимной властью (ведь именно от какого-то властного органа мы и добиваемся решения проблемы). И власть должна *согласиться* на это решение, иначе она не будет его исполнять! Любая наша общественная кампания будет бессмысленной тратой времени и сил или сведется к не совсем корректной саморекламе вместо помощи людям,

если мы не будем готовы к такому взаимодействию. Именно поэтому гражданские активисты стремятся *видеть власть* вначале – в качестве оппонента, а потом обязательно(!) – *в качестве партнера*.

Дискредитация власти и борьба против нее вредит правозащитной деятельности, потому что с врагом невозможно сесть за стол эффективных переговоров (с врагом возможны лишь временные перемирия с целью набраться сил и снова начать «войну», а затем – добиваться «капитуляции»). Поэтому и сама власть, и гражданские организации должны очень четко отличать, где речь идет об акциях и кампаниях в защиту общественных интересов (в том числе – действиях правозащитников, экологов, профсоюзных активистов и т.п.), а где – о политических информационных мероприятиях. И сами правозащитники не должны бездумно лезть в политические действия, чтобы потом у людей и власти не возникало в голове каши (а если они вдруг участвуют в таких политических действиях *в личном качестве*, то это необходимо очень четко и публично *оговаривать!* – да и то непонятно, как это все-таки возможно...).

Здесь уместны несколько примеров.

Пример первый.

В 1989-90-х годах одна из известнейших в Польше организаций – Хельсинкский Фонд по Правам Человека – оказалась перед серьезной дилеммой. После «бархатной революции», после того как участники «Солидарности» и других организаций, участвовавших в антитоталитарном сопротивлении, получили возможность войти в правительство, многие члены Фонда могли стать достаточно высокопоставленными должностными лицами новой власти. Но как же быть с их статусом правозащитников? И как тогда они смогут защищать жертв уже нового, «хорошего» режима, которые все равно будут? Было принято решение: те люди, которые идут во власть, *приостанавливают членство* в Хельсинкском Фонде по Правам Человека. Они должны понимать, что отныне они – на стороне власти (неважно, хорошей или плохой, но власти), а Хельсинкский Фонд должен будет защищать людей теперь и от них, от представителей этой новой власти. Отныне бывшие друзья – уже не соратники, а *оппоненты* (хотя в личном плане они могут и должны оставаться друзьями). Было принято принципиальное решение, что в этих новых условиях Хельсинкский Фонд должен остаться на том же самом месте – щита – между человеком (любым, который стал жертвой нарушений прав человека, даже если до этого он сажал активистов Сопротивления в тюрьмы!) и властью. Правозащитники обязаны защищать не только «своих» и тех, кто нравится, но всех, точнее – защищать справедливость. Даже если жертвы несправедливости не слишком приятные люди и у правозащитников могут быть к ним старые личные счета...

Пример второй.

Вацлав Гавел, известный чешский диссидент, писатель, один из творцов «бархатной революции» в Чехословакии, отсидевший за свои убеждения.

Когда он стал президентом Чехословакии (еще даже не Чехии), то честно обратился к своим бывшим соратникам и призвал их отныне активно критиковать его действия, *если им дорого то, ради чего они боролись так долго*, поскольку теперь он будет представлять власть, а значит – является потенциальным нарушителем Прав Человека. Ибо если они теперь не будут его критиковать (помня, что это «их друг-президент»), значит, все, за что боролись, – зря; значит, боролись – не за справедливость и не за изменение системы, а всего лишь за то, чтобы сменить одних, «дурных» властителей – другими, «хорошими». Вот это – замечательное понимание роли и места гражданского активиста, с одной стороны, и политика – с другой. Это – понимание того, что с завтрашнего дня ни один, даже самый замечательный политик, не в силах сменить всех полицейский, тюремщиков, работников паспортных столов и т.п., – а значит, они будут продолжать нарушать Права Человека. А он как высшее должностное лицо готов нести за это ответственность. Стремиться исправить ситуацию, но

отвечать за нарушения прав от имени государства. Следовательно – ему просто необходима «обратная связь», критика со стороны гражданских активистов – тех своих бывших соратников, кто не пошел во власть, но остался между властью и людьми, чтобы защищать их права.

Эти два примера отражают понимание жесткого водораздела между политической деятельностью («политикой»), с одной стороны, и правозащитной работой («правами человека»), с другой. Каждый гражданский активист должен четко осознать: хочет ли он в ближайшем будущем идти во власть или же готов остаться на правозащитных позициях, в самом сложном положении – «между» – в роли «щита и защиты для людей от власти», а также «посредника-модератора». Несмотря на всю свою возможную популярность и стремление как можно быстрее изменить ситуацию, придя во власть.

Важно осознание того, что если правозащитник идет во власть, он, к сожалению, перестает быть «действующим правозащитником» и становится «реальным политиком». И важно, чтобы и власть, и общество в целом научились понимать, с кем они имеют дело, – с политиком или правозащитником, – и в соответствии с этим были бы готовы выстраивать стратегию взаимодействия. При этом, естественно, хорошо, когда политик разделяет принципы Прав Человека, осознает роль и обязанности(!) власти по их защите – и в этом, только в этом смысле, является правозащитником.

Третье. Проблема асимметрии.

Политики (особенно – находящиеся во власти или собирающиеся во власть) должны признавать Права Человека и способствовать их эффективной защите. Именно как представители «сферы власти/сферы политики». Они обязаны в той или иной мере заниматься Правами Человека!

Правозащитники, действуя в сфере «общественной политики», совершенно не обязаны хоть как-то участвовать в политической сфере борьбы за власть. Они могут заявлять о поддержке тех политических действий, политиков и партий, которые ведут к более эффективной защите Прав Человека. Более того, они должны занимать достаточно активную позицию по отношению к политическим силам – «поддерживая справедливость и выступая против неверных политических тенденций». Но гражданские активисты совершенно не должны участвовать в борьбе за власть. Им это даже противопоказано...

Создается несимметричная ситуация?

Да. И это связано с природой власти и правозащитной работы.

Власть обязана *соблюдать* Права Человека по отношению к людям. По большому счету, именно для обеспечения этих самых прав ее и выбирают. Для политиков это – обязанность. А гражданские активисты выступают в роли «защитников прав людей», для них это – общественное служение, которое они выбирают добровольно, исправляя то, с чем не может справиться власть. И именно в этой своей уникальной роли они особенно эффективны.

4. Общественные проблемы и Права Человека

Еще больше сужая сферу защиты Прав Человека, мы должны отделить теперь уже даже не «политику» как иную сферу, а очень близкое направление – гражданскую активность – от собственно правозащитной работы.

Зачем?

Дело не в том, что защита других общественных интересов менее важна. Но только разделяя виды проблем, можно научиться эффективно их решать, понимая, какие стратегии и тактики в каждом случае применимы и эффективны.

Здесь не хочется всерьез останавливаться на том, что такое «*общественная проблема*» (это тоже – тема для отдельных книг, лекций, семинаров и т.п.). Интуитивно мы понимаем, что речь идет о какой-то серьезной *несправедливости*. Причем, как правило, в отношении

значительного числа (иногда – тысяч и даже миллионов) людей.

И когда мы говорим о *решении общественных проблем*, или, как это часто называют, – *Действиях в Защиту Общественных Интересов*, – мы чаще всего сталкиваемся НЕ с нарушениями Прав Человека (в строгом смысле), а с какими-то другими *типами «несправедливостей»*.

Итак, к правозащитникам и гражданским активистам регулярно обращаются люди со своими проблемами. Обращаются, когда чувствуют некую несправедливость. Особенно – когда такие проблемы носят массовый характер. С моей точки зрения, есть три разных типа проблем, типа «несправедливостей». И нам принципиально важно понять, к какому типу проблем относится ситуация, с которой к нам пришел тот или другой человек (или группа людей).

Понять – чтобы помочь!

Первый тип проблем – это не только нарушение закона (права), а именно *нарушение Прав Человека*. Его важно выделять, потому что по поводу таких нарушений можно использовать именно *механизмы защиты Прав Человека* – и национальные (внутригосударственные), судебные и внесудебные, и международные – чтобы добиться справедливости. Это все пункты, например, Европейской Конвенции по Правам Человека – право на жизнь, свобода от пыток и жесткого обращения, право на справедливый суд, свобода слова, свобода собраний, свобода ассоциаций и т.п. О механизмах защиты именно «прав человека» написаны сотни толковых книг, и поэтому можно, не «изобретая велосипед», использовать опыт других правозащитников.

Второй тип проблем – когда нарушен закон (право), но это право не относится собственно к Правам Человека. Если, например, грубо нарушен закон о защите прав потребителей, то это, конечно, явная несправедливость, и нарушен закон, но защита прав потребителей не относится к Правам Человека. В этом случае пожаловаться в Европейский Суд нельзя. Это – законы нашего государства. И мы должны искать методы защиты от нарушения таких законов. Здесь тоже много своих эффективных методов борьбы с несправедливостью.

В каком-то смысле это – расширенный вариант несправедливости 1-го типа, но там мы все-таки отдельно и преднамеренно выделили именно Права Человека – как универсальный и международный стандарт.

Третий вид проблем – то, что мы называем «общей несправедливостью». Это часто очень важные вещи, но они не относятся ни к категории права, ни уж тем более – Прав Человека. Когда нет закона, на который мы могли бы сослаться, в защиту общественных интересов.

Если в вашем городе плохие дороги, много пьяных (не хулиганов на улице, а просто пьяных), высокие цены на проезд в городском транспорте и т.п., то для людей это очень важно. А вот закона, позволяющего на кого-то подать за это в суд, чаще всего нет.

И мы должны осознавать, что такие моменты, конечно, относятся к общественным интересам и, может быть, к «задачам государства», но пока (до принятия соответствующих законов) – не к области права и уж точно не к «правам человека», как бы нам ни казалось это все несправедливым.

То есть даже сфера гражданской активности (если хотите – *общественной политики*), или – борьбы с «несправедливостями», лишь в очень малой части касается собственно Прав Человека (всего лишь как первого типа «несправедливостей»). Даже здесь различия существенны. И даже здесь необходимо четко разграничивать формы и методы деятельности, не путая Права Человека с любой «защитой справедливости».

Тогда неудивительно, что, по мнению многих правозащитников, между сферой *Прав Человека* (всего лишь как части *гражданских действий* в целом) и *политикой* лежит пропасть.

Х. Роль правозащитников и правозащитных организаций в современном государстве

1. Правозащитники и государство

Очень часто правозащитников обвиняют в том, что они якобы разрушают государственность. Говорят, что они лишь «поднимают крик» там, где не нужно, и тем самым «роняют международный авторитет» своей страны.

Вопрос в том – зачем настоящие правозащитники критикуют власть? Для того, чтобы дискредитировать ее (как часто делает оппозиция) и сделать саморекламу? Или для того, чтобы власть прислушалась к ним и начала позитивные изменения?

Если посмотреть на работу правозащитников непредвзято, станет понятно, что правозащитники *укрепляют государство*. Сила государства в доверии к нему граждан. Если граждане не верят государству, то оно разваливается (так произошло с СССР).

Правозащитники, вроде бы «ругая» государство, добиваются позитивных сдвигов, заставляют государство идти навстречу человеку. Тем самым они укрепляют доверие, пытаются сблизить человека с государством! И, таким образом, служат государству и обществу.

Еще здесь очень уместен популярный во многих странах образ гражданских активистов (в том числе – правозащитников) как «сторожевых собак» / *watchdogs* (или, если хотите, *watch* как *стража*, *дозор*, или даже – *watches of the night* как «стражи ночи», «ночной дозор»). Роль «сторожевых собак» – возвысить голос, когда кто-то (например, представитель власти или бизнеса) идет нарушать права граждан, а уже дело всего общества («гражданского общества!») и даже власти (если это разумная власть!) – вовремя остановить нарушителей и тем самым защитить справедливость. Так что и здесь «ругань» – это вовсе не негатив, а совершенно конструктивная форма защиты прав людей.

Когда западный человек говорит о государстве, он говорит «мы», он себя отождествляет с государством. Человек из Восточной Европы и Центральной Азии очень редко говорит «мы» про свое государство. Он всегда проводит четкую черту между «мы» (люди) и «они» (власть). Он себя жестко отделяет от власти, тогда как западный человек, как правило, этого не делает. Правозащитники же пытаются разрушить барьер между «они» и «мы». Они пытаются сказать, что государство – это тоже «мы». И те, кто нарушают Права Человека, – это мы же, потому что государство состоит из нас.

И, что еще очень важно, именно правозащитники и правозащитные организации являются одним из трех типов «внесудебных механизмов защиты Прав Человека» (помимо государственных и «смешанных» институтов), признанных и на национальном, и на международном уровне. Среди документов ООН есть даже Декларация № 53/144 от 09.12.1998, которую иногда называют «Манифестом прав и обязанностей правозащитников».

Именно правозащитники помогают государству выполнять одну из самых важных его функций – защиту прав и свобод человека и гражданина. Именно они напоминают государство, зачем оно нужно людям. И именно они сами делают то, что пока не успевает, не может или не умеет делать государство в сфере защиты прав каждого из нас.

2. Правозащитники и власть

«...Правозащитник всегда готов работать с властью, если она легитимна и не превратилась в диктатуру. Если для кого-то власть – это враг, то мы имеем дело уже не с правозащитником, а с революционером, бунтарем. Я как правозащитник критикую власть там, где ее нужно критиковать, и хвалю там, где ее нужно хвалить. Вне зависимости от своих личных чувств к тем или иным политическим фигурам...».

Из публичной лекции известного европейского правозащитника

Гражданские активисты – правозащитники, экологи, активисты других организаций – это те, кто на самом деле защищают власть от перерождения и, следовательно, – от падения. Они делают любую власть более человеческой. В стране, где правозащитники сидят в тюрьмах, власть не слишком крепка, даже если это диктатура (она рано или поздно развалится). В стране, где много правозащитных организаций и они критикуют власть, а власть к ним прислушивается и взаимодействует с ними, – вот там власть является влиятельной и авторитетной, а значит – сильной. Там не будет сильного социального взрыва. Роль правозащитников и гражданских активистов – это еще и социальное посредничество-модерация, позволяющее избегать тяжелых конфликтов и революций. Это нужно очень четко понимать.

Часто власть сама не понимает, что правозащитники укрепляют эту самую власть. И пытается с ними ссориться. Вместо того, чтобы поддерживать их работу и конструктивно взаимодействовать с ними.

Правозащитные организации пронизывают своеобразными социальными нитями пространство между властью и обществом, позволяя людям защищать свои права, решать проблемы и чувствовать «возможность справедливости», что важно для каждого человеческого существа. Они создают дополнительные социальные связи. И власть становится не далекой и бесчеловечной, а более понятной и близкой людям, потому что они видят не только несправедливость, но и торжество закона.

Правозащитники – это люди, которые сделали свой выбор: быть всегда между властью и человеком – в роли щита и посредника. И при любой власти они будут здесь – на этом месте. А политики – это те, кто хотят сменить существующую власть на новую – «на самих себя» (на власть, которую они, видимо, считают более «хорошей»). И значит, они, политики – с момента их прихода к власти – хотят они того или нет – станут новыми нарушителями Прав Человека. Я не верю в то, что если завтра к власти придут одни замечательные люди, то сразу не будет нарушений Прав Человека. Будут при любой власти. Будут – по определению. Такова природа власти. Как, с другой стороны, ее задача – защищать Права Человека. И поэтому для нас, правозащитников, работы всегда будет много. Кто бы ни был у власти. И как бы мы к ним ни относились. Если мы, конечно, правозащитники и готовы постепенно – шаг за шагом, год за годом – менять ситуацию и решать проблемы защиты Прав Человека – системно и последовательно.

3. Защита Прав Человека как способ изменить Систему

Еще несколько слов о механизмах защиты Прав Человека. Принципиально важно, чтобы в национальном законодательстве и на международном уровне существовали не только «записанные права» («материальные права», статьи конвенций и т.п.), но существовали бы и «процедурные (процессуальные) права» – разнообразие механизмов защиты Прав Человека (в том числе, внесудебные и негосударственные формы: правозащитные организации, полугосударственные, полуобщественные комитеты, комиссии, круглые столы, переговорные

площадки), чтобы с их помощью можно было решать вопросы не только в пользу одного человека, а сразу для тысяч – через изменение закона или правоприменительной практики. **Защита Прав Человека** – это не только бесконечные судебные процедуры и правовые консультации, это не только правовое просвещение, это еще и **изменение системы**. Правозащитник – это не тот, кто бесплатно помогает страждущим. Правозащитная организация – это не благотворительная богадельня для всех, у кого нет денег заплатить адвокату. Любая правозащитная организация (и государственная, и негосударственная) – это, прежде всего, структура, которая думает о стратегических изменениях в законах или в правоприменительной практике – таких, которые улучшают ситуацию с Правами Человека сразу для многих (благодаря чему выигрывает все-таки каждый отдельный человек!). Для правозащитников принципиально важно решение этих стратегических вопросов. Если будут эффективно работать правовые системы и действительно механизмы будут совершенно иными, тогда не нужно будет тысяч бесплатных адвокатов, которые сидят на приеме, бесконечно консультируют людей. С моей точки зрения, 90% нарушений Прав Человека происходят на самом низовом уровне (паспортные столы, общение человека с представителем милиции, вопросы доступа к простой информации в администрациях разного уровня и получение очень простых справок и документов, которые нужны человеку в повседневной жизни), эти нарушения можно очень быстро и эффективно решить, причем не для одного человека, а сразу для миллионов.

Эти стратегические задачи и являются способами защиты Прав Человека, механизмами улучшения ситуации с их соблюдением.

XI. КЛАССИФИКАЦИИ И «КАТАЛОГИ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Как нам лучше перечислить Права Человека (те права, что мы считаем «международными стандартами»)?

Как лучше их классифицировать и представить?

Есть несколько таких возможностей.

Первый подход

Просто сделать их обзор в соответствии со Всеобщей Декларацией Прав Человека. Или – с Международным Пактом о гражданских и политических правах (ООН).

Или – для стран Совета Европы – в соответствии с «Европейской Конвенцией о защите Прав Человека и Основных Свобод» (Европейской Конвенцией по Правам Человека).

Можно даже перечислить Права и Свободы, закрепленные в Конституции практически каждой современной страны. Надо лишь выбрать те из них, что относятся к «общепринятым международным стандартам и нормам», а если каких-то из этих международных норм нет в Конституции – «добавить» их, оговорив, что эти пункты все равно должны действовать в государстве, даже если они не прописаны в Конституции, если это государство ратифицировало соответствующие международные акты.

При этом, в принципе, каждый из пунктов, например, Европейской Конвенции не так уж прост, как кажется.

Пример – «Право на жизнь».

Это не только «право, чтобы тебя не убивало государство», это еще и проблема эвтаназии (право на добровольный уход из жизни); вопрос аборт; проблема необходимой самообороны; проблема медицинского выбора (чью жизнь должен спасать врач, если его возможности ограничены – по каким критериям он должен это делать?); проблема клонирования (считать ли клонов людьми?); проблема имплантации; проблема платных медицинских услуг (если у человека нет денег на дорогую операцию, надо ли спасать ему жизнь?) и т.п...

Второй подход

Это разделение Прав Человека на: 1) личные, 2) политические и 3) социальные и культурные (нередко еще ведут речь о различных «поколениях прав человека» – но об этом стоило бы говорить отдельно).

Личные права – это такие права, которые необходимы для охраны жизни, свободы, достоинства человека, неприкосновенности его личности и связаны с его индивидуальностью и частной жизнью, – это права, которые дают возможность человеку развивать свою неповторимость и сохранять саму жизнь (право на жизнь, свобода от пыток и жестокого обращения, свобода от рабства, свобода выбора места жизни и т.д.).

Это – своеобразное «право на существование».

Политические права – это права, с помощью которых человек может участвовать в общественной, гражданской и политической жизни страны и местных сообществ различными правовыми способами, – это права, дающие возможность принимать участие в социальных процессах, право участвовать в управлении, в том числе – своей собственной жизнью (свобода убеждений, свобода выражение мнения, свобода ассоциаций, свобода мирных собраний, избирательные права, право на референдум).

Это – своеобразное «право на участие».

Социальные и культурные – это права, с помощью которых человек может защищать свои жизненные интересы от экономического произвола и социальной несправедливости, также они дают ему возможность для духовного развития и реализации своих творческих способностей.

Это – своеобразное «право на развитие».

Но многие из этих прав на сегодняшний день не входят в «основную международную систему стандартов» защиты Прав Человека. Впрочем, все меняется...

Третий подход

Еще по одному важнейшему признаку все Права Человека делятся на две категории:

1) материальные и 2) процессуальные.

Материальные права – это, собственно, все перечисленные Права и Свободы (например, из списка Европейской Конвенции), которыми обладает человек.

Процессуальные права – это право на обеспечение процедур реализации этих самых материальных прав (это – конкретные правовые механизмы). Ибо любое записанное право останется жалкой бумажкой, пока нет специальных и эффективных процедур его обеспечения. Именно из процессуальных прав следуют различные *механизмы и инструменты* защиты Прав Человека.

Примерно такие подходы к классификации Прав Человека сейчас приняты в международном правозащитном сообществе, примерно так понимает Права Человека Европейский Суд по Правам Человека, Комитет ООН по Правам Человека.

Так это понимают многие из тех людей, кто разрабатывал Европейскую Конвенцию и другие акты Совета Европы, а сейчас работает над основными правозащитными актами для Европейского Союза.

ХII. ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАНИНА

В разговоре о правах человека и гражданина часто приходится слышать о том, что неплохо бы поговорить и об обязанностях. Конечно, неплохо. Давайте попробуем.

1. О связи прав и обязанностей

Мы очень часто слышим, что *«права должны корреспондировать неким обязанностям»*.

Да, наверное.

Но нужно помнить, что в теории права существует положение о том, что права и обязанности взаимозависимы, т.е. наличие прав у *одного субъекта* правоотношения порождает встречные обязанности у *другого* (а вовсе не дополнительные обязанности у *первого!*).

То есть, если у нас есть «Права Человека» (которые – по определению – являются «вертикальными» и возникают по отношению к власти), то «обязанности» должны возникать вовсе не у нас (не «обязанности человека!»), а у *другого субъекта* – у власти (у государства) – обязанности уважать, соблюдать, обеспечивать и защищать эти самые права человека!

2. Об обязанностях граждан

Прежде чем перейти к «обязанностям человека» можно немножко поговорить об «обязанностях гражданина».

Гражданин – это человек, состоящий в политико-правовой связи с каким-либо государством и, обычно, имеющий документы, подтверждающие его принадлежность к этому государству («гражданство»).

Существуют права и обязанности, которыми наделяются только граждане. Остальные люди, находящиеся на территории этого государства (иностранцы граждане, лица без гражданства) их не имеют.

Обязанности гражданина, вообще говоря, НЕ вытекают из его прав. Они как раз вытекают из своеобразных «прав государства» – тех самых прав, которые люди делегировали государству (а значит – власти) для обеспечения общественных интересов.

Из списка таких «обязанностей» современные правозащитники нередко выделяют ЧЕТЫРЕ основные обязанности, которые, быть может, покажутся вам достаточно странными.

Это:

- (1) – платить законно установленные налоги (иначе просто не сможет функционировать государство, т.к. в идеале наши налоги – это единственное, за счет чего оно может жить);
- (2) – защищать свою страну (под защитой многие признают не только и не столько военную службу, сколько социальное служение своим гражданам; так, в ряде стран граждане либо служат несколько месяцев – обычно меньше года! – в армии, либо несколько месяцев – обычно на 2-3 месяца больше, чем в армии – проходят службу в социальных учреждениях и общественных организациях как Альтернативную гражданскую службу/АГС, либо платят «гражданский налог»);
- (3) – исполнять решения судов (гражданин вообще-то не обязан исполнять все законы, т.к. они могут противоречить естественным правам человека и быть совершенно несправедливыми, а вот исполнять решения судов – как независимых правовых арбитров – он должен; и иногда гражданин буквально должен нарушать законы, не учитывающие права человека, если он уважает себя и свою страну, но при этом всегда честно отвечать за неисполнение любого закона перед судом);
- (4) – напоминать власти, что она назначена исключительно и только для службы обществу, и в случае, если она не хочет этого вспоминать, нанять новую власть, которая готова будет честно работать в интересах народа (сменить власть, если она перестала служить обществу).

Это может шокировать Вас, но сами эти обязанности тоже вытекают исключительно из соотношения прав и свобод, которое люди делегировали государству, Человеческого Достоинства, Прав Человека и гражданского долга.

3. «Обязанности человека»

А вот с «обязанностями человека» – сложнее.

Мы уже рассмотрели встречные обязанности государства на наличие у нас «прав человека».

А есть ли у нас соответствующие обязанности?

Многие современные правозащитники говорят так: да, есть.

Одна-единственная, вытекающая, как и сами права, из Человеческого Достоинства.

Обязанность человека – требовать от государства (ведь именно по отношению к нему у нас возникает этот особый вид правоотношений – «права человека»!) **уважения и соблюдения Прав Человека по отношению к себе и другим людям.**

И только если каждый из нас будет соблюдать эту обязанность, Права Человека превратятся из красивой мечты в реально работающую систему, позволяющую бороться с несправедливостью и делать этот мир чуть более пригодным для человеческого существования.



**YOUTH
HUMAN
RIGHTS
MOVEMENT**

Международная Сеть – Молодежное Правозащитное Движение (МПД) –

это молодые люди и молодежные организации, объединившиеся для:

- формирования нового поколения правозащитников;
- утверждения принципов Прав Человека и общечеловеческих ценностей;
- развития эффективных общественных механизмов защиты Прав и Свобод.

Цели МПД:

- обеспечение взаимной поддержки и совместной деятельности участников Сети МПД;
- развитие профессионального сообщества правозащитников, обеспечение преемственности поколений в правозащитном движении;
- развитие новых механизмов защиты прав молодежи и других групп населения;
- вовлечение молодежи в самую широкую правозащитную, социальную и волонтерскую деятельность;
- поднятие престижа и эффективности правозащитного движения и некоммерческого сектора в целом;
- образование и просвещение в сфере «теории и практики Прав Человека» для широких слоев молодежи;
- укрепление международной солидарности в деле защиты Прав Человека.

Подробную информацию о работе МПД Вы можете найти на сайте www.YHRM.org

Административный Центр МПД: +7 (4732) 94-92-54, +7 (4732) 54-55-30 (факс),
admin@yhrm.org

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ – это свободное сообщество людей, объединенных совместным поиском, образованием и социальным творчеством.

Свободный Университет основан на принципах:

- уважения и внимания к достоинству личности, творческому началу и поиску смыслов;
- единства слова и дела, теории и практики, замысла и воплощения;
- взаимного обучения, а также – взаимной солидарности, помощи и поддержки.

Свободный Университет появился (и преимущественно действует) в Европейской России, постепенно распространяя свою деятельность на регионы и страны Кавказа, Балтии и Восточной Европы, Средней Азии и Востока.

В программах Свободного Университета уже приняли участие тысячи человек, главным образом – студенческой молодежи и активистов общественных движений.

Подробную информацию о работе Свободного Университета Вы можете найти на сайте www.freeun.ynnet.org

Контактная информация: +7 (4732) 91-76-41, freeun@ynnet.org



